

Договор
Кровавых Уз

Трудовые будни
В том гробу твоя зарплата

18+

Кристина Юраш

Кристина Юраш

**В том гробу твоя
зарплата. Трудовые будни**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Юраш К. Ю.

В том гробу твоя зарплата. Трудовые будни / К. Ю. Юраш —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2453-0

Да чтоб вам так работать! Все коллеги уверены, что я попала на работу, потому что директор у меня сосет... кровь! Потому, что он - вампир, и коллеги мои - вампиры. Все здесь вампиры. Меня обманули, заставили подписать контракт кровью, и теперь мне приходится работать риелтором, таскаясь по сумрачному миру, демонстрируя замки и имения упырям. Все было бы ничего, но я никак юридически не защищена от посягательств. Только тоненькая серебряная цепочка защищает меня от обескровливания. А от отчаяния спасает чувство юмора. И еще этот упырь с грустными глазами мотает мои бедные нервы. Обложка авторская.

ISBN 978-5-5321-2453-0

© Юраш К. Ю., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава первая. Трудности перевода	6
Глава вторая. Я же лучше, лучше собаки, или кто сказал «Мяу»?	13
Глава третья. Шоб ты жил на одну зарплату и никогда ее не видел!	21
Глава четвертая. Жизненный. Опыт. Помогает. Адаптироваться	28
Глава пятая. Ни кола, ни двора	35
Глава шестая. Большое человеческое спасибо!	42
Глава седьмая. Человек вампиру – друг. Это знают все вокруг!	49
Глава восьмая. Доярка из Хацептовки	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кристина Юраш
В том гробу твоя зарплата. Трудовые будни

Обложка авторская.

Глава первая. Трудности перевода

О том, что мне пора выйти замуж, намекали не только дата рождения, навязанные с детства стереотипы, наличие у бывших одноклассниц полного вывода потомства от раннегоршкового до начальнo-школьного возраста, но и еще одна интересная деталь, с которой, как ни крути, приходилось мириться всю жизнь.

– И что мы теперь скажем иностранным инвесторам! Мы с ними два месяца переписывались! – орал потный и красный директор, понимая, что шуршащие бумажки с портретами американских президентов пролетают мимо его кармана, – Они хотели купить сто гектаров земли! Сто! Сто гектаров под строительство комплекса! А вместо этого, что мы им написали? Я спрашиваю, что мы им написали?

Я молчала, кивала, соглашалась, но вины за собой не чувствовала. Тараканы в моей голове занервничали и зашевелились, но получив лошадиную дозу успокоительного притихли. Самый старый, умудренный опытом таракан, в головном уборе вождя индейского племени, философски изрек: «Вот так всегда. Знал бы, где раздавят, сидел бы под плинтусом!». Он затянулся парами успокоительного, которое мне пришлось выпить, чтобы сохранить хорошую мину при очень плохой игре, и меланхолично посмотрел куда-то мутную даль моего будущего.

Директор, брызгая слюной на монитор своего ноутбука, уже раз пять вспомнил мою маму, которой до безумия нравилось имя «Елена». Икнулось так же моему отцу, которого звали Борисом и моим безвестным предкам, порадовавшим своих потомков странной фамилией из трех невинных букв «Ись», наверняка не подозревавшим о трудностях перевода, с которыми столкнется секретарь Маша, упорно твердящая, что по английскому у нее была пятерка с «плюсиком». Ее «плюсик» неожиданно превратился в «крестик» на моей карьере.

А ведь ничто не предвещало беды. Как сейчас помню, в первом письме-презентации мы рассказали о прелестях нашего «очень выгодного» предложения, добавили кучу картинок, расхвалили инвесторов так, что им наверняка сидеть на стуле неудобно от бесчисленных лобызаний копчика и окрестностей. И вот он! Момент нашего однозначного триумфа! Они были почти согласны, но не хватало некоторых данных для принятия окончательного решения. Как всегда, на самом интересном месте!

Мой жадный директор, зажавший денежку на услуги профессиональных переводчиков и понадеявшийся на знание языков своей секретарши Маши, поручил перевести и перенаправить на зарубежных контрагентов мое письмо, висящее на корпоративной почте. «Услужливый» сервис онлайн перевода известного поисковика, которым Машенька решила воспользоваться, дабы впечатлить всех своими глубокими познаниями «инглиша», видимо, решил отомстить мне за то, что я отказалась скачивать и устанавливать его фирменный браузер, поэтому посредством автозамены, вступив в преступный сговор с непроходимо тупой Машей, подложил фирме жирную свинью.

Не будем судить Машеньку строго. Наверняка, когда в школе изучали точки, наша Маша болела, а карандашик, которым она стучит по клавиатуре, чтобы «не портить мегашикарный маникюр» промахнулся, предоставив автозамене сделать свое грязное дело.

«F*ck off» – выдал услужливый переводчик с сервисом автозамены, когда в его окошечко было вставлено «от Е.Б.Ись». И Машенька, большой знаток языков, светлая голова, гений от грамматики, гигант мысли и просто хороший человек, изобразила «копи-паст», вставив это в тему письма. Сообщение улетело со скоростью 100 мб/с на другой конец планеты, где были несказанно рады столь долгожданному, а главное, содержательному ответу. Судя по тому, что отчет о получении так и не пришел, письмо с такой темой так и не раскрывали. Ответ от инвесторов пришел незамедлительно и очень порадовал всех своим двусложным, до боли знакомым содержанием. Услуги переводчика не понадобились. Все друг друга поняли.

Мои тараканы сразу грустнели, когда я думала о Машеньке. Она вызывала у них стойкие ассоциации с одноименным мелком, от которого шарахаются их комнатные собратья.

Зло за упущенные возможности вымещали на мне. Автором письма была – я? Я! А Машенька просто перевела! С нее никакого спроса! В критический момент, когда была вероятность попасть под раздачу, Машенька сделала грустные глазки, подрожала губками, пустила слезку и пообещала позвонить папе, если ее вдруг будут ругать. Выяснить отношения с родным братом, наш директор не хотел, ибо семейные узы в его личном рейтинге ценностей занимали почетное второе место после материальной выгоды. А папа Маши был совладельцем нашей горемычной и, как выяснилось сегодня еще и «интернациональной» конторы с большой буквы.

После недолгого семейного совета с использованием ненормативной лексики, мне пришлось забрать свою кружку, диффенбахию, три статуэтки, трудовую, приказ об увольнении и любимый блокнот. Сотрудники с такими инициалами «интернациональной» конторе не нужны. Можно было бы вцепиться в кресло, не писать заявление об увольнении, подать в суд, найти хорошего адвоката, потрепать им нервишки, но я прекрасно понимала, что как ни крути – выход только один. И мне на него уже указали. Спорить с непроходимо тупым директором и всей его многочисленной родней у меня не было ни малейшего желания. Такой специалист, как я, на дороге не валяется. Заберут в контору и покруче. С руками и с ногами!

Мысленно прикинув, чья попа будет греть мой бывший стул в ближайшей обозримой перспективе, взглянув волчьим взглядом на Машеньку, которая невозмутимо пилила ногти, болтая по телефону, я открыла дверь и гордо отправилась домой.

Добавив в послужной список злополучную контору, выставив резюме на сайте вакансий, я спокойно села ждать, когда на меня обрушится лавина звонков с заманчивыми предложениями. Прошел день. Такое чувство, словно, мобильный оператор объявил забастовку и отключил мой номер. Ничего, надо дать людям возможность все хорошенько обдумать. На второй день телефон зазвонил.

– Здравствуйте, Елена. Мы хотим предложить вам работу в крупной транснациональной корпорации, со стабильной зарплатой, с возможностями быстрого карьерного роста. Вас такое предложение интересует? – приветливо спросил меня приятный женский голос.

– А поподробнее можно? – лениво отозвалась я, представляя огромный офис, кучу сотрудников, столы-ячейки и очередь к кофейному автомату.

– Вам нужно подъехать к нам в офис на собеседование, где мы вам все объясним! – радостно сообщили мне и назвали адрес и время.

Я сразу представила виртуальную карту города, вспоминая, где это может находиться, и тут же озвучила интересующий меня вопрос.

– Вы выходите возле заправки, проходите сквозь гаражный кооператив «Надежда», идете до автомойки, проходите сквозь автомойку. Там неподалеку – городская свалка. Вам нужно свернуть возле свалки направо и идти до СТО. Потом вам нужно повернуть налево и идти до забора с колючей проволокой. Там есть такие старые большие ворота. Зеленые. Вам нужно пройти в зеленые ворота мимо будки Тузика и идти ко второму зданию. Не к тому, которое с выбитыми стеклами, а к следующему. Тузик не кусается, но сильно лает. Вы обходите здание со стороны мусорных баков. Второй этаж, третья дверь налево, – радостно сообщили мне, а потом добавили, – Вы позвоните, если заблудитесь!

Да нет, тут все и так понятно. Маршрут проложен. Квест начат. Ключевое слово – «Тузик!»! Первичное собеседование с Тузиком меня немного смущает. Есть у меня такое чувство, что именно Тузик решает, кого возьмут на работу в транснациональную корпорацию, а кого нет. «Мимо белого яблока луны, мимо красного яблока заката, мимо свалки, гаражей и СТО...» – заунывно запели тараканы. Транснациональная корпорация была настолько транснациональной, что дух захватывало от перспектив карьерного роста.

– Я забыла вам сказать. На вахте бабушка сидит. Надежда Григорьевна. Скажите ей кто вы и что вы пришли на собеседование в восьмой кабинет. Запишитесь в журнале, оставьте свой паспорт, и она даст вам ключ от второго этажа. Мы просто закрываемся, чтобы никто не мешал нам работать. Или наберите меня, я выйду и скажу, что вы к нам...

Одного Тузика недостаточно? Мне еще собеседование с бабушкой вахтершей проходить? Неизвестно, кто меня больше облает – Тузик или вахтерша? Тузик и вахтерша посоветовались и решили, что я не подхожу. Может, там вахтерша еще пару кошастиков подкармливает. И мне нужно с ними перетереть? С каждым котэ по отдельности. Ладно, шутки – шутками, но такую полосу препятствий каждое утро преодолевать я не планирую. Может быть, душ с утра не принимать? На мойке помоюсь, пока сквозь нее проходить буду?

– А можно встречный вопрос? – поинтересовалась я, – Вы от кого прячетесь?

Трубку положили. Или бросили. Я так и не поняла.

К вечеру меня решил порадовать еще один звонок. Я взяла трубку и услышала мужской голос. Он говорил так уверенно, словно все уже решено и завтра я выхожу на работу.

– Елена, вы нам подходите! Когда вы готовы выйти на работу? – спросил серьезный деловой голос. Такое ощущение, что со мной разговаривает сам президент.

– Ничего себе! Вот так прямо сразу? А поподробнее? – немного удивилась я, столь решительному подходу со стороны работодателя.

– Заработок зависит только от вашего усердия и старания. Гибкий график, достойная заработная плата. В ваши обязанности будет входить массовая расклейка объяв...

Я повесила трубку. Они что? С ума сошли? Какая расклейка объявлений? Я представила, как я в кедах, с липкими от клея дрожащими руками, прижимая к груди вверенные мне объявления, прячусь от полиции в подъезде, после того, как меня чуть не застучали на месте незаконной расклейки и не впаляли административку и штраф в шесть моих достойных зарплат. Потом не удивляйтесь, почему в вашем подъезде лужа, а в ваших почтовых ящиках – куча спама. Работа у меня такая. Без обид.

Еще один звонок.

– Алло, здравствуйте! Я – частный предприниматель. Мне срочно нужен реаниматор... тьфу ты, реализатор на рыбу на центральном рынке! Зарплата – триста рублей в день, – выдал мне сиплый мужской голос, решив, что триста рублей в день – предел моих финансовых мечтаний. Но судя по голосу триста рублей в день – это предел его финансовых возможностей.

– До свидания, – вздохнула я, представляя, как сижу на раскладном стульчике, в синем фартуке с веткой в руках и обмахиваю, словно смиренный раб ленивого падишаха, снулых толстолобиков, растекающихся мутной коричневой юшкой по драной и липкой клеенке. За триста рублей в день! Ничего себе! Я их буду реанимировать до победного конца, споласкивать в воде, отгонять мух, воевать с рыночными собаками, которые захотят покуситься на вверенный мне товар.

– Девушка, а рыбка свежая? – будут подходить ко мне покупатели со стандартным вопросом.

– Канешна! – слащавым голосом буду отвечать я, откладывая газетку со сканвордами, – Только привезли!

– Ну выловите мне вон из того ведра три селедочки! И взвесьте полкило вон той кильки!

– Вам какую селедочку? Большую? Маленькую? – буду интересоваться я, засовывая руку по плечо в вонючий рассол и вытаскивая склизкую рыбку с мутными глазами.

– О нет, спасибо. Мы лучше курочку купим!

Каждое последующее предложение приводило меня в еще больший экстаз. Работа в табачном ларьке.

– Легкие есть? Кхе-кхе!

– Легких уже нет! Кхе-кхе!

Заманчивые предложения сыпались, как из рога изобилия. Беби-ситтер, промоутер, фасовщица, посудомойка, официантка, кассир в гипермаркете.

Прошла неделя. В журнале моих звонков появилась куча бесполезных номеров и ни одного реального контакта.

Я открыла вкладку со своим резюме и перечитала его еще раз. Есть у меня такое чувство, что дальше моего имени и номера телефона никто не читает.

Пришлось взять судьбу в свои руки и начать лично обзванивать работодателей. И снова облом. Все понравившиеся вакансии были заняты, как единственный туалет в холерном бараке, но мне обещали перезвонить если вдруг...

Опять телефон звонит. Я беру трубку, прижимаю ее плечом к уху и иду делать себе кофе.

– Здравствуйте, Елена, – раздался женский голос, – Скажу сразу. Зарплата – пятнадцать тысяч рублей. Строительной фирме требуется ответственный сотрудник, который способен вести деловую переписку, обладает знанием как минимум трех иностранных языков в совершенстве, компьютера, оргтехники, телефонии, обладает базовыми навыками верстки в Adobe Фотошопе (так и зачитали), умением работать с фреймами, имеющий опыт администрирования корпоративного сайта, знакомый с бухгалтерским учетом и аудитом, планированием и проектированием, умеющий находить общий язык с клиентами, имеющий опыт работы офис – менеджером, а так же имеющий...

– ...опыт мытья полов, и заказа воды для кулера... – закончила я.

– А как вы догадались? – спросила меня удивленная кадровичка.

– ...у меня есть опыт работы экстрасенсом, – мрачно ответила я, сбрасывая вызов. Жаль, что я не дослушала. Мне интересно, есть ли в списке опыт работы грузчиком и сантехником?

Я сразу представила, как тащу по полу мешок с цементом, кряхтя и надрываясь, параллельно разговариваю по телефону с клиентом, а потом, вытерев об себя руки бегу отправлять электронку, ксерокопируя какие-нибудь сертификаты качества. А в конце месяца директор, как от себя отрывая, вручает мне пятнадцать тысяч, намекая, что щедрее только Санта Клаус и то раз в году.

Следующий звонок застал меня врасплох, когда я мыла посуду. Мокрыми руками я схватила со стола телефон. Вдруг что-то важное?

– Алле! Нам срочно требуется девушка. Знание иностранных языков приветствуется, знание компьютера – тоже. Обязательно с законченным высшим образованием и минимум пятнадцатилетним опытом работы в сфере финансового консалтинга. Возраст от девятнадцати до двадцати пяти.

– Позвоните, пожалуйста, в роддом, – предложила я, проводя в уме нехитрые математические расчеты.

– Это еще для чего? – как – то недружелюбно поинтересовался голос в трубке.

– Не родился еще такой специалист, который в девятнадцать лет имеет высшее образование и пятнадцатилетний опыт работы в сфере финансового консалтинга, – спокойно ответила я, – Но вы уточните на всякий случай. Вдруг я ошибаюсь? Если найдете, то обязательно перезвоните мне. Я хочу на него посмотреть. Спасибо за звонок.

– Девушка, да вы – хамка! Вы нам не подходите! – истерично заорала собеседница.

– Нет, девушка, это вы мне подходите, – вздохнула я и положила трубку.

Опять звонят! Все! Отвечаю на последний звонок и ставлю на беззвучный. Чур, меня!

– Здравствуйте, Елена, – произнес уставший и раздраженный мужской голос, – Нам срочно требуется девушка – менеджер. Требования. Приятная внешность, хорошо поставленная речь, умение вести себя с клиентами. Не замужем, без детей, без вредных привычек, пунктуальная, ответственная, доброжелательная, стрессоустойчивая, неконфликтная, общительная, грамотная, воспитанная, целеустремленная, с хорошим чувством юмора, спокойная, аккуратная, трудолюбивая, без судимостей...

– А не могли бы вы описать себя? – сладким голосом поинтересовалась я, подпирая щеку кулаком и поглядывая на часы, – Надеюсь, вы – высокий брюнет с красивым профилем и светлыми глазами, с чувством юмора, с чувством собственного достоинства, щедрый, надежный, без судимостей, без вредных привычек, неженатый, не имеющий детей, материально и жильем обеспеченный, умный, интеллигентный, но в случае чего умеющий за себя постоять. Изъясняясь простым и понятным – дать в морду...

Трубку бросили. Какая жалость. Я вот почему-то слушала мечты об идеальной женщине, а про моего идеального мужчину они послушать не хотят. Где справедливость?

Засада. Еще через неделю обшарпанное здание местного центра занятости стало казаться мне не таким уж и плохим вариантом.

«Ты, наверное, совсем отчаялся, раз пришел к нам?» – читалось во взглядах его сотрудниц. «Нам плевать, что у тебя есть высшее образование, и ты всю жизнь проработал за компьютером! Мы сейчас определим тебя на курсы компьютерной грамоты и грамотности, через день запишем тебя на курсы по написанию резюме, а потом ты пойдешь пешим туром по тем вакансиям, которые методом «тыка» выбрал для тебя наш специалист!» Нет, я еще не настолько отчаялась, чтобы умереть в очереди с талоном в руках и пасть смертью храбрых на нудном семинаре.

Я обзвонила знакомых в надежде, что у них есть какая-нибудь уютная вакансия, где можно посидеть и поискать приличную работу. Увы...

Под конец третьей недели работа менеджером торгового зала стала казаться мне вполне приемлемым вариантом. «Чем я могу вам помочь?» – произнесла я перед зеркалом, изобразив приветливый оскал, – «Вам что-то подсказать?». Буквально вчера мне предложили поработать в отделе унитазов в каком-то строительном гипермаркете. Исходя из сбивчивых пояснений предыдущий сотрудник конкретно обоссался, разбив ценное керамоизделие, поэтому срочно нужна замена. «Вы можете присесть и проверить!» – улыбнулась себе в зеркало я, – «Только штаны, умоляю вас, не снимайте! И не раскачивайтесь! Товар не закреплен! Что ж вы наделали? Мне же теперь отмывать! Я же говорила – штаны не снимать!». Все, приехали. Я понимаю, что с работой в нашем городе туго, но чтобы настолько!

На часах уже было восемь часов вечера. Я облазила все сайты, просмотрела все объявления, разослала полсотни резюме. И тут раздался звонок. Я взяла трубку.

– Здравствуйте, – произнес очень приятный мужской голос, – Елена Борисовна?

– Да, – настороженно ответила я.

– Очень приятно с вами познакомиться. Вы ищете работу? У нас есть для вас очень интересное предложение. Хотите его выслушать? – вкрадчиво спросил голос.

– Излагайте, – вздохнула я, поглядывая на часы. Поздновато вы мне наяживаете, господа. Вы там что? Во вторую смену работаете?

– Мы предлагаем вам поработать в сфере недвижимости. Хорошая зарплата, достойные условия труда, соцпакет. Мы даже жилье предоставляем... – вкрадчиво сказал голос, – Если хотите, то завтра приезжайте на собеседование.

Мне продиктовали адрес, который я наскоро записала. Почему бы не съездить? На сегодняшний день это – вполне интересное предложение из всего мною услышанного.

Утром я была при полном параде, словно собираюсь на свидание с мужчиной моей мечты. Поправив макияж, очки – нулевки (для солидности), прическу, прихватив с собой любимый блокнот, я отправилась в центр города. Офис выглядел так, словно в нем только что провели капитальный ремонт. Огромные окна, стеклянная дверь. За новенькими столами сидели улыбающиеся сотрудники. У стены расположились: внушительный кожаный диван, маленький столик с какими-то буклетами, кулер и стенд с брошюрками. Идеально чистый пол, персиковые стены, новенькая оргтехника – хорошее начало. Как здорово, что я не согласилась на унитазы! Если

предстоит выбирать, между беготней по торговому залу и посиделками в офисе, я выбираю, конечно, офис.

– Подождите немного, – произнесла приветливая девушка, – Директор сейчас вас примет.

«И мы подождали еще...» – вздохнули тараканы, подперев головы лапками. «А ты не забыла, что тебе в этом месяце кредит за холодильник выплачивать?» – философски поинтересовался старый таракан, пощекотав мою совесть усами. Спасибо, напомнил. «И долг на карточке погасить?» Да я прекрасно и без ваших усов об этом помню, поэтому и дергаюсь.

Как только большая стрелка настенных часов застыла на двенадцати, меня пригласили в кабинет. Я вежливо постучала в новенькую дверь, сделала самое серьезное лицо и деловой походкой двинулась к кожаному креслу.

За столом сидел немолодой мужчина приятной внешности. Разговаривал он вежливо, корректно, спокойно, что обнадеживало. Припадочные начальники с манией величия и прогрессирующей деменцией меня не устраивают. На столе стояла семейная фотография в красивой рамке, а на пальце директора блестел ободок обручального кольца. Тоже неплохо. Любители молоденьких сотрудниц, не пропускающие ни одной юбки, меня тоже не устраивают. Этот явно не похож на соблазнителя секретарш. Пока все хорошо. Немного поговорив о работе, директор деликатно затронул тему моей личной жизни.

Спросил, замужем я или нет? Есть ли у меня дети? Интересовался моей семьей. Я сказала, что мама умерла, а с отцом отношения не поддерживаю. Больше родственников нет. Мне посочувствовали и извинились за то, что затронули эту тему. Как мило.

Я даже немного расслабилась. Обстановка была комфортной, спокойной и умиротворенной. В аквариуме за его спиной плавали разноцветные рыбки, сквозь персиковое жалюзи проникал мягкий солнечный свет, на стене тикали аккуратные офисные часы.

– Извините, но вы нам не подходите. Увы... – произнес со вздохом примерный семьянин, в самом конце нашего разговора.

– Почему не подхожу? – удивилась я, немного не понимая, чем я не угодила.

– Вы неубедительны, – спокойно ответил директор, любовно глядя на семейную фотографию, – В вашем голосе чего-то не хватает... Какой-то уверенности, напора, желания работать...

Я взглянула на часы, на рыбок, а потом перевела взгляд на директора. Мне срочно нужна работа! Срочно! Моих сбережений не хватит, чтобы тянуть с работой еще месяц.

– Мне кровь из носа нужна работа, – с легким нажимом сказала я, глядя ему в глаза, – Вы меня понимаете?

– Ну, если так, – согласился директор, доставая какие-то бумаги, – Подписывайте договор.

Я стала читать первый лист, но буквы перед моими глазами расплывались. Я пытаюсь его прочитать, но смысл прочитанного почему-то ускользает от меня. Я сняла очки и протерла глаза. Странно. Я почувствовала, как у меня начинает кружиться голова. Почему здесь так душно? Неужели никто не может открыть окно или включить кондиционер? Я пролистала договор до последней страницы, чувствуя странный приступ дурноты. Наверное, это – от волнения. Переволновалась и все. Тут я с ужасом поняла, что у меня из носа начинает течь кровь.

– Извините, – прошептала я, пытаясь дотянуться до своей сумочки и взять оттуда салфетки.

– Ничего страшного, – произнес директор абсолютно спокойно. Пока я рылась в сумочке, капля крови капнула на договор.

– Извините, я испортила экземпляр, – занервничала я, чувствуя себя крайне неловко.

– Все в порядке. Вы его только что подписали, – раздался вкрадчивый голос. Я смотрела, как исчезают картины на стене, как тают рыбки вместе с аквариумом, как расплывается в воздухе равнодушный и доброжелательный директор вместе со своим письменным столом. Обои

с персиковых стен стали слазить, кондиционер куда-то испарился. Я закрыла глаза, потрясла головой, чтобы прийти в себя, а когда открыла, то увидела, что сижу я в резном готическом кресле, напротив роскошного стола из красного дерева. За столом сидит красивый мужчина с вьющимися каштановыми волосами и большими карими глазами.

– Вы только что подписали договор, – усмехнулся он, жадно втягивая воздух, – Вам же кровь из носа нужна была работа? А нам кровь из носа нужен сотрудник.

Он улыбнулся, я отпрянула. Такой хищной улыбки я еще никогда не видела. Я не знаю, куда смотрит его стоматолог, но с такими клыками явно надо что-то делать. Все еще чувствуя головокружение, я попыталась встать и взять сумочку. Но сумочка моя исчезла. Только что лежала рядом, а теперь ее нет. Не было ни мобильного телефона, ни кошелька. В моей руке была зажата мятая окровавленная салфетка, а в кармане звенела какая-то мелочь.

– Простите, я, наверное, пойду... Сумочку мою верните... – осторожно начала я, пятясь к двери.

– Стоять на месте! – как-то совсем недружелюбно рявкнул мой работодатель, пролистывая контракт, – Ты только что подписала со мной договор, по которому обязуешься отработать здесь год. Минимум. Возьми со стола серебряный медальон. Надень его на шею, чтобы у меня не было соблазна сожрать тебя прямо сейчас. Тебе еще повезло, что ты у меня сегодня не первая, кто пришел на собеседование, и я неплохо подкрепился.

Он отошел в сторону, демонстрируя три лежащих на полу трупа со странными следами на шее. Я дрожащей рукой взяла со стола медальон и надела его на шею. Наверное, я упала в обморок, а теперь весь офис меня откачивает. Может быть, даже скорую вызвали.

– То, что ты видишь перед собой – это все настоящее. Это – не игра твоего воображения, это – не сон, это – реальность. Добро пожаловать в Сумрачный мир.

Глава вторая. Я же лучше, лучше собаки, или кто сказал «Мяу»?

Прошло еще немного времени, прежде чем ко мне вернулось ощущение реальности. Я сжала в руке серебряный медальон, вдохнула, выдохнула. Есть хорошая новость. У меня появилась работа. Есть и плохие новости. Много. Плохих. Новостей.

Три трупика валялись на полу и смотрели на меня стеклянными глазками. Им повезло куда больше, чем мне. Или мне повезло куда больше, чем им. Идея отгонять мух от толстолобика показалась мне настолько милой и привлекательной, словно я всю жизнь жила только этой мечтой. Это же целое искусство! Слева направо или справа налево махать вялой веткой? Тс! Такой секрет передается из поколения в поколение в семье потомственных рыботорговцев. А счастье было так близко! За триста рублей в день! И чем меня не устраивал Тузик? Мы бы с ним быстро ладили, захвати я с собой пару сарделек для него и шоколадку для вахтерши...

– Может, я за мусорными пакетами сбегая? Только расчлнять и хоронить их будете сами. Если что, я могу помочь поддержать пакет, пока вы трамбуете, – осторожно предложила я, глядя на трупы. Если согласится – бежать не оглядываясь, звонить в полицию, давать показания, требовать охранный ордер и ждать, когда этого маньяка упрячут за решетку. Для верности стоит сменить замки, купить перцовый баллончик и пройти курс по самообороне для женщин.

– Не стоит утруждаться. Пусть лежат до обеденного перерыва, – махнул рукой директор, подвинув ногой трех соискателей. Тормозок? Ну, правильно, зачем в магазин лишний раз бегать? «Там еще в капиллярах осталось немного кровушки! Что нет? Совсем нет? Я так не играю!» Если сосать, то сосать до победного.

Я вздохнула и снова посмотрела на кровопийцу. Одет мой работодатель был своеобразно. Черный сюртук и белая сорочка, высокие сапоги с отворотами и пряжками, в которые были заправлены черные штаны. Собственно, от вампира я другого и не ожидала. На его шее был черный шейный платок, украшенный массивной брошью с алым камнем.

Я посмотрела на вампира, с которым столкнулась впервые за всю жизнь. Мой взгляд упал на две ручки, лежащие на столе. Я осторожно подошла, взяла их и сложила на манер креста. Эти крестом я резко ткнула в лицо директору. Оставалось крикнуть «Изыди!» или что-то в этом духе, но что-то «противовампирное» мне на ум не приходило. Сейчас он должен шарахнуться в сторону, прикрыть лицо руками и забиться в конвульсиях. Я буду загонять его в угол, а он должен пойти дымком, зашипеть на меня и оскалиться клыками. Я себе это так представляла.

– Опять! – возмутился директор, закатывая глаза, – Сломаешь ручку – сломаю ручку. Положи на место. Это – мои ручки. Я их для себя заказывал.

Я вздохнула и подумала, что святая вода тут тоже явно не спасет, даже если я прихватила с собой трехлитровый бутылек. Ручки я осторожно положила на стол.

– Давай я лучше тебе расскажу о нас, – директор подошел ко мне, шумно втянул воздух рядом со мной так, как дети нюхают цветочки. С таким же ажиотажем девушки в рекламе принохиваются к своим подмышкам, собачки обнюхивают столбики, а закодированные намертво алкоголики вдыхают запах чужого перегара.

– Спасибо, я недавно «Сумерки» пересматривала, – тяжело вздохнула я, в тайне надеясь, что все происходящее – плод моего больного воображения.

– Нашла что смотреть! – возмутился директор, – Я после этой книги неделю есть не мог! Кровь в горло не лезла. Это какое-то извращение! Жениться на еде – это выше моего понимания! Вот скажи честно, ты бы вышла замуж за... этот... как его...

Вампир пощелкал пальцами.

– ...гамбургер? – тоскливо переспросила я, брякнув первое, что пришло на ум, и предусмотрительно делая шаг назад.

– Пусть будет «гам-бур-гер», – согласился мой новый директор, не переставая меня обнюхивать.

– Не помню, чтобы он делал мне предложение, – нервно усмехнулась я, – Сомневаюсь, что если бы в котлете я нашла кольцо вместе с чьим-то пальцем, то побежала рассылать приглашения на свадьбу и выбирать платье.

– Ладно, мы отвлеклись. Спасибо вашим книжкам, что мне не пришлось на пальцах объяснять тебе кто мы такие. Правда, есть много нюансов, которые вы, люди, не знаете. Но вам этого знать не положено. Так вот. На чем я остановился? Этот мир принадлежит нам, – гордо произнес директор, наворачивая вокруг меня круги. Глаза у него были красивые, печальные, как у вечно голодного, обиженного жизнью бассета, а на счет улыбки, я промолчу. Когда он улыбается, у меня в жилах стынет кровь.

– А наш мир – это столовая общественного питания, – догадалась я, покрепче сжимая свой амулет.

– В некотором роде... Но мы охотимся не бесконтрольно, как вы думаете. У некоторых из нас есть лицензии. И мы стараемся не нарушать правила, установленные Фюрстатом. Давай лучше поговорим о работе, а то я сегодня неплотно позавтракал. Перекусил, символически. Присаживайся, – улыбнулся мой клыкастый директор, пряча мой контракт в сейф, – Я расскажу тебе, чем мы занимаемся. Мы продаем недвижимость по всему Сумрачному Миру. И последнее время дела у нас идут не очень хорошо. Наши конкуренты умудряются нас обойти. У них будто кровью намазано! От клиентов отбоя нет! Я подозреваю, что они действительно каждое утро мажут двери кровью. Причем, не какой-нибудь второй положительной, а четвертой отрицательной! Только вот где они ее берут – загадка. Это мы сейчас выясняем. Если выясним и докажем – напишем жалобу в высшие инстанции. По закону это считается нечестной конкуренцией. Использование натуральной крови в рекламной компании строжайше запрещено. Мы, если честно, тоже подумывали мазать кровью, но потом решили закон не нарушать. За это такие штрафы могут впасть, что придется закрываться. Если поймают. Поэтому я решил, что у нас должен быть человек! Живой человек! То есть, по факту, закон «О кровавой рекламе» мы не нарушаем, но при этом обеспечиваем себе огромное конкурентное преимущество. В этом мире нет людей. Вся кровь, которой мы питаемся, поставляется из вашего мира.

Ага, полуфабрикаты. Здорово. Теперь я знаю, куда сливают мои анализы и за что дают значок почетного донора.

– Могли бы на кошечках сначала потренироваться... – вздохнула я, сумрачно представляя себе «трудоыебудни» в дружном коллективе кровососателей.

– Кошку пробовали, – грустно и как-то двусмысленно заметил директор, – Сожрали нашу Элен. Помню, как мы ее приволокли сюда, как, глотая слюни, пытались нацепить на нее серебряный ошейник. Все руки, зараза...

– Исцарапала? – вяло поинтересовалась я, чувствуя, что с удовольствием таскала бы за собой неподъемный пылесос и ходила бы по квартирам, демонстрируя его сосательные свойства. Почему я не согласилась продавать «биокардиовибратор», пояс из шерсти с гениталий целебного гималайского тушканчика, баночки с вершками и корешками, экстракт акульей матки? Там вакансии всегда открыты. Круглосуточно. Звони! Заберут с руками и ногами. У меня в шкафу даже бейджик где-то завалялся. С бейджиком берут в первую очередь. Найти такие конторы проще простого. Если в объявлении встречаются слова и их вариации: «дружный и доброжелательный коллектив», «кофе-брейк», «печеньки», «интересная работа», «без опыта работы» – это оно. Можете даже не сомневаться.

– И это тоже. У меня после этого половина сотрудников с тяжелейшими ожогами рук ушла на больничный. Работа встала, продажи тоже. Есть у меня подозрение, что сожрал кто-

то из своих. В отместку. Но не признаются. Ладно, кол с ними. Собачка – тоже пройденный этап, – грустно заметил упырь.

Старый таракан посмотрел на меня таким взглядом, от которого у меня сжалось сердце: «Малыш! Ведь я же лучше... лучше собаки!» Я чуть не закашлялась.

– Нам нужен человек! И у нас есть ты! Медальон, который висит у тебя на шее, сможет защитить тебя от посягательств. Ни один вампир к тебе даже не притронется. Конечно, ты можешь его потерять или снять его по собственному желанию, но тогда пеняй на себя. Вернемся к работе. Ты – не просто сотрудник. Ты – наша реклама! Наш козырь в нечестной конкурентной борьбе! Скоро слухи о том, что у нас работает человек, разлетятся по всей столице! – воодушевленно начал новый директор, цыкая зубом.

– Я попрошу вас не цыкать зубом в мою сторону и в моем присутствии, – поморщилась я, – Мне это как-то не очень приятно. Вы оскорбляете меня этим жестом.

«Колобок-колобок! Я тебя съем!» – философски заметили тараканы.

– Мне плевать, что тебе приятно, а что неприятно, – как-то раздраженно ответил директор, – Ты работаешь на меня. С сегодняшнего дня ты приступаешь к работе. Все необходимое для работы я сейчас тебе выдам.

Я бросила взгляд в угол кабинета, где стоял огромный, надорванный пакет кошачьего корма. Недолго протянул кошастик в этом кровожадном мире. Перед смертью даже поел. Пару раз.

– А зарплата? – осведомилась я, стараясь не думать о том, какого цвета была бедняжка Элен, – Я что? Бесплатно буду здесь работать?

– Зарплата... – вампир достал бумагу и перьевую ручку, – Итак, еда... Это...эм... приблизительно сорок золотых в месяц. Нет, тридцать. Тридцать... Эм... Двадцать пять. Уточни, пожалуйста, сколько ты вешишь?

– Шестьдесят три килограмма, – брякнула я, проследив его пристальный взгляд.

Упырь задумчиво посмотрел на мешок с кормом. Не знаю, что видел он, но я отчетливо видела надпись «50 порций для кошки весом 3 кг, 20 порций для кошки весом 5 кг». Нет, скотина, нет!

– Двадцать... – директор что-то прикинул в уме и быстро записал на бумажке.

Тараканы в голове заволновались. Старый таракан взглянул на мешок и философски произнес: «Тридцать восемь попугаев». «Двадцать одна кошечка» – вздохнула я, вспоминая арифметику. Судя по этикетке – корм предназначен для очень энергичных кошек. Мяу!

– Учтите, я не буду питаться кошачьим кормом! И на «кис-кис» отзываться тоже! – возразила я, глядя на красивую, холеную кошку с этикетки.

– Ладно... Двадцать пять... – постановил упырь, сощурился глазами, и глядя куда-то в сторону резного шкафа, – Оплата проживания. Тридцать... Нет, можно поселить тебя за пятнадцать. Я договорюсь. Есть тут недалеко одно местечко. Одежда... Ну где-то тридцать золотых. Тридцать – это много. Десять. Отлично! Одежда не обязательно должна быть новой. И «др.» приблизительно десять золотых. Что у нас получается? Итого?

Он взял какую-то черную книгу в черной обложке, на которой была изображена капля крови, развернул ее на манер ноутбука, стал что-то писать, а потом взглянул туда и сообщил, что мое содержание обойдется в пятьдесят золотых в месяц. И тут же уточнил, что собирался мне платить тридцать золотых. Однако, в силу обстоятельств и вышеупомянутых расходов, я должна быть ему очень благодарна за то, что он поднял сумму моего содержания до пятидесяти, что фактически превышает изначальные условия почти в два раза. Спасибо огромное! Земной поклон! Я сразу почувствовала себя очень «дорогой» женщиной.

– Дорогой ты мой, человек... – тоскливо вздохнули тараканы.

После этого объяснения, я поняла, что работаю едой за еду. Триста рублей! Мне обещали триста рублей в день! А я, дура, отказалась! Если бы меня попробовали сожрать на рынке конкуренты, я бы отбилась толстолобиком.

– Не можешь уточнить, сколько приблизительно стоит корм для людей в пакетах и где он продается в вашем мире? – задумчиво поинтересовался этот бог щедрости.

– Да чтоб тебе так... – я хотела сказать «женщины давали», но вырвалось, – шею подставляли, как ты мне зарплату платить собираешься!

– Работать будешь без перерывов и выходных, – постановил явно непробиваемый работодатель...работодатель.

– Я же отдыхать должна! – возмутилась я столь явной дискриминации и явно нечеловеческим условиям.

– Никаких выходных! Я подумал, что ты можешь жить в офисе! Это позволит сэкономить... пятнадцать золотых. И на работу опаздывать не будешь. Заодно и посторожишь. Ставить охрану дороговато, – задумчиво произнес упырь, глядя куда-то в светлую рабовладельческую даль.

– Так, все! С меня довольно! – возмутилась я, вскакивая с места, – Вы просто издеваетесь! Я не собираюсь работать за еду без выходных и спать на стульях! Понятно? Давай, упырь, возвращай меня обратно. Про трупы, так и быть, я никому не скажу. Договор я разрываю в одностороннем порядке! Могу написать заявление на увольнение, если надо.

– В твоём договоре четко написано, что досрочное расторжение договора возможно только с моей стороны. Расторжение договора с твоей стороны юридически невозможно. Я консультировался, – спокойно ответил директор, делая какую-то запись в черной книге, – Форсмажор я тоже прописал. Целых восемнадцать страниц. Так что, с этого момента, ты работаешь в агентстве недвижимости «Кровавые узы», на должности специалиста по продаже недвижимости. Вот твой бланк.

Он достал из ящика стола потертую книгу и передал ее мне в руки. Я раскрыла книжку на первой странице. Страница была чистой. На других страницах тоже не было ни единой пометки. Обычные чистые листы бумаге, как в блокноте.

– Предупреждаю сразу. Листы не вырывать. Вычту из зарплат. Пиши, что тебя интересует. Новости, например, – сказал директор, указывая пальцем на чистую страницу.

Я бросила на него убийственный взгляд, взяла ручку и написала: «Новости». Ничего не произошло.

– погоди, он медленно думает, – заметил мой клыкастый работодатель, заложив руки за спину.

Я «погодила». Через полминуты перед моими глазами ме-е-е-едленно, со скоростью полупарализованной черепахи, стали проступать едва читаемые слова.

НОВОСТИ ЭТОГО ЧАСА:

«Сорок восемь вампиров по всему Сумрачному миру отравилось кровью с боярышником. Двадцать из них погибло. Есть подозрение, что эта кровь нелегально поступила в продажу без предварительной проверки. Ведется расследование. Будьте осторожны при покупке крови с примесью алкоголя. Иногда кровь с боярышником выдают за элитную кровь с дорогим алкоголем. Требуйте сертификат качества на продукцию. Помните, боярышник – это яд для вампира!»

Напомните мне, если я выберусь отсюда живой, чтобы на следующее собеседование я с головы до ног натерлась боярышником. А лучше – выпила пару флакончиков. Бяка, но что поделаешь! Шла же мимо магазина, видела на прилавке «медузку»... Все! На следующих работодателях я буду дышать перегаром боярышника! Только так!

«Накрыта подпольная плантация чеснока. Ведется следствие. Чеснокоторговцы арестованы и теперь ожидают вынесения приговора. Напоминаем, что античесночный закон вступил в силу...»

И чесноком закушу. Да что там закушу! Возьму себя в руки и сразу целую головку прожую.

«В связи с массовым отравлением кровью с примесью боярышника, в Фюрстат поступило заявление об ужесточении мер о продаже крови с примесью алкоголя. В данный момент закон находится на рассмотрении. Фюрст Эдлер предложил встречный законопроект. Он предложил ужесточить наказание для нелегальных охотников и поручить компетентным органам проверку всей крови, которая поступает в магазины. Как известно, Фюрст Эдлер лично взял под свой контроль борьбу с незаконным кровооборотом».

Ноу комментс.

«В Асинисе был найден труп безработного вампира. По предварительным данным он сам напоролся на кол из-за долгов. Родственники утверждают, что в последнее время он выглядел подавленным и отказывался от крови. Предупреждаем! В связи с ростом безработицы среди вампиров участились случаи грабежей и насилия»

– А другие страницы зачем? – спросила я, перелистывая книгу. Хотя, кажется, я поняла. Это – вкладки браузера. Я захлопнула книгу и снова ее открыла. Первая страница, где были новости, была девственно чиста. Я написала «Сумрачный мир». Снова почти минутное ожидание, а потом стал проступать едва разборчивый текст.

«Сумрачный Мир. Население, согласно последней переписи, составляет 126 689 вамп. Столица – Криор. Помимо Криора есть еще несколько крупных городов Асинис, Сангра, Дахар, Креу. Географи...»

Дальше еще не «дописалось». Завис. Я снова закрыла книгу и снова ее открыла.

Тараканы хором произнесли: «Да чтоб я так жил и работал!».

– Больше трех страниц не используй. Он тогда не дописывает, – заметил упырь, доставая какую-то визитку и вручая ее мне.

«Ренель. «Кровавые узы»» – гласила надпись, а под ней красовалась алая капля крови.

– Открой страницу и приложи ее.

Я открыла первую страницу, приложила визитку и увидела надпись: «Контакт добавлен». Дальше все было почти как с обычной электронкой, только с одной разницей. Имя и текст письма приходилось выводить вручную. В самом конце нужно было нарисовать галочку, и тогда письмо отправляется адресату.

– Если у тебя нет крови адресата, то письмо не отправится, – заметил мой новый начальник, – Так что, если приходят клиенты, то требуй визитки. Сразу требуй. Не потом. Сразу! Мы должны пополнять нашу клиентскую базу. Может, сегодня не купят, а лет через двадцать придут! Такое уже было на моей памяти.

Не доживу я. Ой, не доживу.

– А как я проверю письма, которые мне прислали? – поинтересовалась я, осваивая чудо техники.

– Напиши «Мои письма». Он уже знает твой почерк, поэтому покажет тебе всю твою корреспонденцию. Вот твои визитные карточки, – произнес директор, доставая из ящика стола,

целую стопку визиток, – Я их заказал заранее. Осталось только оставить на них каплю крови и все. Можешь раздавать.

На карточках красовалось «Элен».

– Вы что? Для кошечки визитки заказывали? – возмутилась я, глядя на кошачий корм и стопку бумажек.

– Мне проще найти сотрудницу с таким же именем, чем выбрасывать тысячу визиток, – возмутился моей расточительности мой экономный директор. – Давай, прокалывай палец.

Кол ему в сердце! Серебряная пуля в лоб! Ожерелье из чеснока на шею!

– Я сразу столько не осилю! – предупредила я, глядя на огромную стопку.

– Сколько сможешь! – заорал на меня начальник. И не удержался. Цыкнул зубом.

Господи, почему я – не боксер-стоматолог? Хук справа, а потом свою визитку «Стоматологические услуги. Дорого, страшно и очень-очень больно!».

На сорок восьмой визитке я почувствовала себя почетным донором. Упырь нервничал и торопил. Ему не терпелось поделиться радостью со всем кровососущим населением.

– Все! Я больше не могу! – выдала я, обсасывая окровавленный палец.

– Для начала пойдет, – согласился директор, пересчитывая полученные визитки, – А теперь тебе пора познакомиться с коллективом, в который ты быстро вольешься.

Ну да. Все пять литров крови моей крови скоро вольются в дружный коллектив. Он указал мне на дверь, встал позади меня, стараясь ко мне не прикасаться. Стоило мне сделать шаг вперед, как он толкнул меня дверью. В офисе стояло четыре стола.

– Элен! Это – ребята. Ребята – это Элен! Она наша новая сотрудница. Прошу любить и жаловать! Твой рабочий стол. Твой рабочий стул, – указал директор и захлопнул за моей спиной дверь в свой кабинет.

Сразу шесть глаз уставилось на меня. Сразу три носа стали сопеть, принюхиваясь.

– Здравствуйте! – икнула я, глядя на лица моих будущих коллег, прижимая к груди свою книгу. Раздалось дружное цыканье зубами. Красивая блондинка в аллом платье с аристократической бледностью и огромными зелеными глазами, причмокнула и напряженно выдохнула. Старый вампир дрожащими руками полез в стол за челюстью, шевеля деснами. Подслеповато шурясь, он шуршал какими-то бумажками и кряхтел на все лады. Упырица средних лет в зеленом платье посмотрела на меня поверх очков и сглотнула.

– Надо кровушку заказать, – вздохнула блондинка, глядя на огромный, почти пустой перевернутый бутыль крови, торчащий из некоего подобия кулера.

Дед нашел челюсти, а теперь искал очки. Блондинка медленно подплыла к кулеру и набрала крови в чашку, а потом залпом опрокинула ее в себя.

– Брисса, скажи Ренелю, чтобы денег на кровушку дал, – произнесла упырица в зеленом, протирая запотевшие очки какой-то тряпочкой.

– А что сразу я? – капризно возмутилась блондинка, скривившись, – Сходи сама и скажи ему! Ты чаще всех кровь пьешь! Я сама видела! Через каждый час кружечку крови выпиваешь! Тем более, что я в прошлый раз ходила! Еле высосала из него эти жалкие копейки!

– Пусть эта сходит. Она еще не ходила! – предложила Зеленка. И все дружно посмотрели на меня. Я подняла брови и удивленно посмотрела на них.

– А ничего, что я кровь не пью? – живо осведомилась я, удивляясь такой наглости. Я еще работать не начала, а меня уже куда-то посылают.

– Четыре литра... – потянула носом блондинка, не сводя с меня глаз, – Третья положительная.

– Пять, – покачала головой Зеленка, не отрывая от меня взгляда, – Четвертая отрицательная. Поверь моему опыту.

– Первая отрицательная! – клацнул челюстями дед, – Не думал, что человека увижу! Привыкли кровь в магазине покупать, обленились. А вот в наше время, кто охотиться не умел, тот ходил голодным!

Я хотела что-то ответить, но тут входная дверь открылась, и на пороге появился какой-то солидный упырь средних лет в сопровождении молодой упырицы в роскошном платье с кучей оборочек. Прямо не вампирша, а кукла «Барби».

– Проходите-проходите! – раздался подобострастный голос за их спинами, – Я сейчас вам все покажу... У нас есть великолепное предложение! Уютное гнездышко для двоих! Две спальни, три зала, одна столовая. Ничего личного! Ничего лишнего! Стиль – ампир! Хозяева отдают его почти за бесценок!

Из-за их спин показался молодой светловолосый вампир в коричневом клетчатом костюме. Он бросил свою книгу на стол и замер на месте. Через секунду вся вошедшая троица уставилась на меня. Раздалось нервное сопение.

– Дорогая, – произнес упырь средних лет, придерживая за локоть свою спутницу, – Держи себя в руках! Мы пришли смотреть поместья, а не...

И снова раздалось знакомое цыканье. Глаза вошедшей упырицы округлились, она даже присела, открыв рот. Наверное, так смотрят гламурные кисы на новую сумочку от известного бренда.

– Купи! – заныла вампирша, цепляясь за отвороты камзола своего спутника, – Я прошу тебя! Купи!

Ее глаза смотрели так, словно от этого зависела ее жизнь. Она захлопала ресницами, закусил губу и даже присела.

– Давай поговорим об этом дома, – тихо отозвался солидный упырь, тоже не сводя с меня глаз и звонко цыкая.

– Купи, а? Я больше ничего не попрошу! Честно! Купи! Я тебя прошу! – вампирша извивалась, цепляясь за своего спутника, – Хочу! Ха-а-ачу! Ну, мой клыкастик, ну пожа-а-алуйста...

Я еще не настолько недвижимость, чтобы меня покупать. Из кабинета появился мой директор с листком бумаги, который он прикрепил к моему столу. Я выглянула и прочитала: «Я не продаюсь!».

Да, согласна. Я вам не какая-нибудь «тварь продажная», а очень даже честный человек. Я взяла ручку и дописал: «Руками не трогать и зубом не «цыкать»! Пожалуйста!»

– Мы, наверное, выйдем на минуточку, – спокойно сказал солидный упырь, таща под локоть свою спутницу в сторону двери. Она упиралась и рыдала, топая ногами.

Через минуту из-за двери раздался голос:

– Ты что себе позволяешь, Леонора! Ты как себя ведешь! Не можешь вести себя прилично? Я понимаю, что человек! Живой человек! Но мы пришли сюда не человека покупать, а недвижимость!

В ответ раздавались всхлипы и мольбы.

– Леонора! Возьми себя в руки! – твердил строгий голос, – Да, мне тоже очень хочется, но я же пытаюсь держать себя в руках!

– Ты с директором поговори... Я тебя умоляю... Я больше ничего не попрошу! Честно – честно! Пусть это будет мне подарок на День Крови, на День Рождения, на День всех Вампиров! – рыдала упырица, всхлипывая и давясь рыданиями.

Дверь приоткрылась. На пороге появился упырь, из – за спины которого выглядывало заплаканное лицо упырицы.

– Извините, господа и дамы. Моя спутница сегодня немного расстроена. Давайте, мы придем завтра! Мы обязательно подумаем на счет того поместья, о котором Вы нам рассказывали... Прощайте! – и покупатели хлопнули дверью.

В офисе воцарилась гробовая тишина. Все дружно посмотрели на меня. А я что? Я вообще сидела и молчала, будто дело не мое.

– А счастье было так близко! – вздохнул молодой риелтор, поднимая со стола и снова шлепая с размаху свой блабук. Он сел в кресло для посетителей и обхватил голову руками.

– Ага, – заметила блондинка по имени Брисса, – Это был бы первое поместье, проданное «Кровавыми узами» за этот год. Мы бы запомнили этот день на ближайшие сто лет! Франческо, утешай себя тем, что тебе не придется проставляться кровушкой.

– Что стряслось? – полюбопытствовал директор, выходя из своего кабинета. Все молчали, как на похоронах, глядя сумрачными глазами на начальника.

– Сделка сорвалась, – наконец вздохнул бедный упырь – риелтор, – Как увидели человека, так сразу началась истерика. А мы, между прочим, уже договор собирались подписать!

И снова все дружно посмотрели на меня. Такое чувство, будто я ручку у людей из рук отбирала, договор из-под носа вытаскивала или сообщила, что буквально вчера это поместье отмывали и отскребали после зверского убийства всей семьи.

– Значит, я ошибся, – вздохнул директор, пристально глядя на меня, – Идея не сработала! Снимай медальон.

– Нифига! – возмутилась я, вцепившись в цепочку. Еще чего захотели!

– Я говорю тебе, снимай! – заорал начальник, протягивая руку в мою сторону. Сказать честно, то я еще никогда так не цеплялась за свою жизнь. Такое чувство, что у меня на ладони надолго останется вмятина, после того, как я сжала медальон изо всех сил.

– Ты не выполняешь мои приказы? – возмутился директор, злобно глядя на меня.

И тут входная дверь открылась. В офис ввалилась все та же пара, которая обещала «подумать».

– Так и быть! – медленно сказал упырь, доставая свою ручку, – Где подписать договор?

Его бледная спутница по имени Леонора не сводила с меня глаз, но молчала, словно ей в рот засунули упаковку ирисок.

– Одну минутку! – засуетилась упырица в зеленом, – Сейчас я заполню договорчик, а вы пока присаживайтесь! Может, чашечку крови?

– Да! – хором ответили покупатели, и им тут же сделали две чашечки крови, выдоив «кулер» до последней капельки.

Вампирша Леонора взяла тоненькими пальчиками свою чашечку и молча села рядом со мной, сопя от восторга от моего общества. Я ее восторга не разделяла. Ее спутник тем временем заполнял документы и отсчитывал деньги. Леонора блаженно пила кровь, глядя на меня томными глазами охотницы, а я отклонилась от нее подальше, чувствуя легкую степень омерзения. Тем временем директор поставил свою подпись, пожал руку покупателю и передал его экземпляр договора с наилучшими пожеланиями.

– Пойдем, Леонора! – произнес солидный упырь, обращаясь к своей спутнице.

– А можно я еще немножечко так посижу... – мечтательно вздохнула она, пожирая меня взглядом.

– Милая, мы сюда еще вернемся. Нам еще имение свое продавать... Пойдем... – раздались у двери.

Леонора нехотя встала, поставив свою полупустую кружку на мой стол, и пошла в сторону двери, оглядываясь на меня и облизывая губы. Дверь закрылась.

– Свершилось! – раздался голос Бриссы, – Этот день мы запомним надолго...

– Тс! – прошептал Ренель, облизывая губы, – Это только начало! Кстати, почему нет крови? Брисса! Закажи кровь, пусть привезут как можно быстрее! Держи деньги.

Звонкие монеты высыпались на стол из директорского кармана.

– Еще один повод запомнить этот день, – съехидничала Брисса, сгребая их в кучку...

Глава третья. Шоб ты жил на одну зарплату и никогда ее не видел!

«Дружный коллектив», «отзывчивое руководство», «достойная зарплата», «официальное оформление», «соцпакет», «стремительный карьерный рост». Эти и другие сказки для взрослых ищите на досках объявлений в разделе «Требуются». Наверное, если бы великие сказочники жили в наше время, то они бы усердно готовили маленьких детишек к прелестям взрослой жизни сказками «О том, как я подал в суд на работодателя и чем дело кончилось», «Как один очень робкий мальчик выбивал зарплату, и что из этого получилось», «О том, как пришла проверка и завела уголовное дело на генерального, а всех сотрудников таскали понятиями, но пришел адвокат и ситуация кардинально поменялась». И было бы в этих сказках все. И волшебство двойной бухгалтерии, и чудеса в виде «мертвых душ» для отчетности, и борьба с ветряными мельницами инстанций с последующими проверками и перепиской «претензия-ответ». Были бы в них и свои офисные принцессы, которых всегда надо спасать от неминуемого увольнения. Без драконов, которые готовы испепелить любого за показатели, разумеется, тоже сказка была бы не такой интересной. А главными героями были бы трудолюбивые и отзывчивые рыцари, которые без страха и упрека взваливают на себя неподъемную ношу своей и чужой работы, пытаются найти правду на рабочем месте и восстановить попорченную справедливость! И заканчивались бы эти сказки фразой: «И работали они долго и счастливо, пока не уволились в один день! Вот и сказочке конец, добро пожаловать на биржу труда! Да!» или так: «И я там был, чай в перерыве пил, у офиса курил, в соцсетях сидел, смешные ролики глядел, время текло, зарплата капала, а мне в кошелек не попала!»

Я сидела, смотрела по сторонам и боялась озвучить очень насущный вопрос. В свете последних событий в голове произошла революция. Старый таракан по кличке «Жизненный Опыт» был свергнут и низложен. «Акелла промахнулся!» – примерно так выразили свой вотум недоверия остальные тараканы, когда реально оценили окружающую ситуацию и новое рабочее место, вкупе с условиями труда. После недолгой борьбы к власти дорвалась троица тараканов, смахивающая на героев из бессмертной комедии Леонида Гайдая. Трус. Балбес. Бывалый. Трус любил грустные песни и частенько впадал в ипохондрическую депрессию. У Балбеса была одна любимая песня: «А мне все пофиг, что в анфас, что в профиль». Музыкальных предпочтений у Бывалого не было. Если Трус и Бывалый – были властью законодательной, то Балбес был властью исполнительной, поскольку именно на него была возложена ответственность за реализацию всех моих планов. И теперь Бывалый авторитетно заявлял: «Не ссы! Прорвемся!», а Трус, поджимал лапы и причитал, что вот это ему как раз сейчас и хочется сделать.

– Извините, а где здесь туалет? – спросила я в надежде, что этот бог щедрости не предусмотрел для меня кошачьего лотка с черновиками. Прямо представляю, как ножкой закапываю продукты жизнедеятельности на глазах всего офиса. Интересно, если я схожу куда-нибудь в уголок, это не будет расценено, как попытка пометить территорию с целью рейдерского захвата?

– Там, – махнула рукой Брисса, что-то усиленно строча в бладбуке, – Ребята, кому чего надо? Тут деньги остаются, можно ручки новые купить и бумагу. Думайте, пока возможность есть!

Я пошла по направлению к неприметной двери, открыла ее и увидела гору хлама. Какие-то папки, старая швабра, два ведра, какая-то рама из-под картины и много-много того, от чего будет пищать от восторга пенсионер-собирабель. Я прямо представляю, каким алчным огнем загораются при виде этой помойки глаза у деда Афанасия, почетного бедствия нашего подъезда, который уделал подчистую даже бабку-кошатницу со второго этажа. Запахи вареной

кильки и кошачьей мочи во всем подъезде просто меркнут по сравнению с запахом открытого филиала трех ближайших помоек. На послезавтра был назначен суд Линча под предлогом всеподъездных сборов. Жаль, я его не увижу. Вы будете смеяться, но инициатором стала бабка-кошатница, свято верящая в то, что весь мир должен принадлежать кошкам, а уж никак не старому хламу. Штаб по захвату мира размещался прямо в ее квартире. Именно оттуда в скором будущем начнется великое пушистое наступление, обеспечивающее кошачье господство над человеческой расой. А пока что кошечки плодятся и размножаются со скоростью звука, увеличивая мяукающее воинство в геометрической прогрессии и лопаю вареную кильку. Вот тебе и борьба двух зол за пальму первенства. Беспощадная и страшная борьба. Жаль, что я так и не узнаю, чем дело кончилось.

Сам туалет, исполняющий обязанности архива, был чистеньким и вполне опрятным. Но для того, чтобы в него сходить, нужно было одной рукой придерживать папки, чтобы они не завалились на голову, другой рукой желательно изо всех сил держать двери, чтобы тебя не застукали в позе гордого орлана, восседающего на снежном утесе, широко раскинув могучие крылья и тревожно глядящего в заоблачную даль.

Наличие туалета у вампиров мне ничуть не удивило. Меня бы удивило его отсутствие. Уважаемые романистки, которые пишут для заезженных бытом домохозяек! Я понимаю секрет вашего успеха у почтенной аудитории женщин, которым каждый день приходится готовить первое, второе и компот, а потом старательно мыть последнее пристанище переваренной пищи. У вас в детстве никогда не было пластмассового пупса, которого можно было кормить водой? У меня был. Даже у бедной куклы с отсутствием пищеварительной системы, помимо входа, был выход. И я так понимаю, что вампир – тоже не исключение. Живой он, дохлый он, но выход должен быть, иначе бы бедным упырям к концу их «нежизни» пришлось бы покупать одежду для беременных. И их можно было бы узнать не только по клыкам, мертвенной бледности, страшным глазам, но и по огромному булькающему животу.

Три дырочки в двери чуть ниже дверной ручки намекали на то, что когда-то здесь была щеколда. Но коллектив, судя по всему, был настолько спитым, спетым и слитым в едином рабочем процессе, что надобность в ней отпала. Или щеколда отпала раньше? Этого я уже никогда не узнаю.

Туалетной бумаги, салфеток и чего-то похожего не было и в помине, что очень огорчало. Опытным взглядом офисного работника, обнаружившего, что внезапно попал впросак, я стала присматриваться к пыльным папкам. Так, чего у нас в жизни еще не было? Распоряжения предыдущего директора с печатью и подписью за прошлые годы уже когда-то получали мою резолюцию, так же как и черновики годового отчета, оборотно-сальдовая ведомость, старые чертежи, письма. Однажды мне неслучайно повезло, когда на предыдущей работе, за неимением денег и туалетной бумаги в ход пошла испорченная ксерокопия директорского паспорта. «Копия верна» – поставила я отметку и нажала кнопку смыва. А вы как думали?

И тут я увидела, что одна из папочек аккуратно и почти незаметно надорвана. Нет, господа, опытный взгляд офисного планктона не обманешь. Я вытащила тонкий листок бумаги и с приятным удивлением обнаружила, что это – реклама нашего агентства. На ней красовался портрет моего любимого директора крупным планом с лозунгом: «Кровавые узы – самые прочные узы в мире!». На обороте была какая-то чепуха про недвижимость.

Я посмотрела в бесстыжие глаза этому божеству экономии, вздохнула, чувствуя, что никогда еще месть не была так приятна и полезна. К недвижимости и ее продаже, я никаких претензий не имею, поэтому я перевернула листок и молча высказала новому руководителю все, что я о нем думаю, не забывая смывать за собой все улики. Бог ты мой! Да их тут еще штук сто! Вот тебе и маленькая радость на фоне суровых «трудолюбудней». Так что, господа руководители, если ваш сотрудник выходит из туалета с таинственной улыбкой Моны Лизы,

то стоит проверить есть ли туалетная бумага и не лежит ли где-то стратегический, тающий на глазах, запас рекламных брошюр с вашей солидной физиономией.

Выйдя из туалета, я посмотрела на всех таким взглядом, словно я знаю, что они «сделали прошлым летом». Сразу после меня туда поскакала тетка в зеленом. Стоило ей зайти, как она тут же, противным голосом заявила:

– Фу! Ну и пахнет же!

Я вздрогнула, покраснела, посмотрела на дверь, которая открылась и выпустила эту сволочь обратно в офис.

– Человеком пахнет! Спасу нет! Я, наверное, схожу попозже, когда проветрится. Не могу я нюхать человека, я на диете! – высокомерно заявила тетка в зеленом, бросая на меня уничтожительный взгляд.

Могло бы быть и хуже.

Дверь открылась, и в офисе появился какой-то упырь, таща на плече огромную стеклянную емкость с кровью.

– Кровушку заказывали? Один бутыль или два? – поинтересовался он, сгружая свою ношу на пол и вытаскивая из «кулера» пустой бутыль.

– Один, – вздохнула Брисса, протягивая ему деньги, – Кровь, надеюсь, нормальная? Без боярышника?

– Дался вам этот боярышник! В третий офис захожу, везде один вопрос! У нас лицензия, поэтому не переживайте, – заметил «кровосос-кровонос», отсчитывая сдачу и забирая пустую тару. Он собрался уходить, но тут же принялся. Резко обернувшись в мою сторону, он удивленно уставился на меня.

– Человек? У вас работает человек? – упырь цыкнул зубом. Нет, определенно, это цыканье меня уже достало. Почему я – не Мухаммед Али? Или не Майк Тайсон? Чтобы одним ударом решить эту надоевшую проблему и обеспечить местных стоматологов работой на сто лет вперед?

– Ну да, попала по знакомству. Директор у нее сосет, поэтому и решил пристроить, чтобы далеко не бегать, – спокойно и невозмутимо ответила Брисса, наливая себе кружку свежей крови. Осторожно попробовав ее на вкус, она кивнула.

Что-то мне подсказывает, что это прямо как у отечественной эстрады – песня, вроде, новая, а мотив кажется подозрительно знакомым. Пусть Ренель на взаимную любезность с моей стороны даже не рассчитывает.

– А! Ну ладно! Я пошел! Если что – пишите, – отозвался упырь и закрыл за собой дверь.

Тараканы в голове заволновались. «Спокуха, братва! Прорвемся!» – успокоил всех Бывалый.

Я открыла бладбук и решила выяснить, есть ли возможность покинуть этот гостеприимный мир, не вперед ногами, а с гордо поднятой головой. На мои запросы он находил явно мне неподходящие ответы. Покидать этот мир имели право только упыри с лицензией на охоту. Чтобы получить эту лицензию, нужно пройти как минимум шесть комиссий, получить соответствующее образование и др. и пр. И только тогда, через несколько лет тебя выпустят в мир больших и возможностей и гастрономических изысков. Судя по зарплате, работа очень прибыльная. В среднем, такие сотрудники получают 5000 золотых в месяц плюс процент от принесенной крови и надбавку за риск. И тут мне стало так обидно, что я сходила в туалет еще раз. Из вредности! Когда я оттуда вышла, обиженно сопя в сторону директорской двери, на пороге офиса появился какой-то упырь с сумкой.

– Уважаемые вампиры! Только сегодня и только сейчас у нас акция! Купите новую щетку для чистки зубов и получите в подарок фирменную пасту! – бодреньким голосом начал он, доставая какие-то зубные щетки и какие-то тюбики.

– Не интересуется, – не глядя буркнула тетка в зеленом, что-то выводя в бладбуке.

– А как на счет брелоков в виде летучей мыши? Никому не надо? Ни у кого детей нет? Есть еще книги! Азбука для малышей. Все как положено. «А» – анализы, «К» – кровь, «Т» – труп... Не интересуется? – продолжил свою презентацию клыкастый коммивояжер, доставая огромную и толстую книгу, поднять которую под силу только очень накачанным родителям.

– Нет, спасибо, – тетка в зеленом тяжело взглянула на него поверх очков. Дед мирно спал, скрестив руки на груди, Брисса одной рукой пила кровь из кружки, а другой что-то усиленно писала в блаббуке.

Дверь закрылась. Странно, но почему-то этот упырь не обратил на меня вообще никакого внимания.

– Интересно, а почему он зубом не цыкал в мою сторону? – поинтересовалась я, окончательно обнаглев.

– Он – зомбирован. У них там целый культ. Когда он на работе, ему можно кровью под носом мазать – не слизнет, – заметила Брисса, не отвлекаясь от своей писанины.

– Слышали новость? – воскликнула упырица в зеленом, обращаясь ко всем присутствующим, – Вот прямо сейчас читаю. Эдлер протасил свой законопроект по поводу незаконной охоты и потребовал создать рабочую группу по контролю качества крови!

Дед очнулся, задергался, завертелся, а потом стал искать очки и челюсть. Челюсть его лежала на столе рядом с очками. Он причмокнул, а потом выдал:

– Хами-хо небохь, охотятхя! А нам не дают! Даехь хтарые времена! А раньше – то было – милое дело! Выхел, поохохилхя, покухал и крахоха! Вот во времена моей юнохти...

Стрелка часов почти подошла к шести. Брисса быстро засобиралась, роняя ручки на пол.

– Эй, ты куда? – удивленно спросила тетка в очках, – Рабочий день еще не кончился. Еще две минуты...

– За мной муж на экипаже приехал! – Брисса быстро стала складывать свои вещи и, помахав ручкой напоследок, скрылась за дверью.

Из кабинета появился сумрачный директор.

– Эта куда смоталась? – недовольным голосом спросил он, кивая на пустое место, – Лемира, ты подготовь на всякий случай типовые договора. Чувствую, что скоро они очень пригодятся.

– Муж за ней приехал, – проворчала Лемира, глядя на часы. Ровно шесть.

Дед тоже засобирался и поковылял прочь. Через пять минут вернулся. Челюсть забыл.

– Эй, ты, – как-то пренебрежительно обратился ко мне директор, глядя на опустевшие столы, – Зайди ко мне. Живо.

«И девочек наших ведут в кабинет!» – дрожащим голосом сообщил Трус. Бывалый выдал свою коронную фразу: «Прорвемся!».

Я зашла в кабинет и встала возле двери. На столе лежали две пачки лапши быстрого приготовления, а на заднем плане, рядом с мешком кошачьего корма стоял большой пакет с мятыми пачками такой же лапши. У какого-то гипермаркета в моем мире был оптовый покупатель. Как на всю голодную общагу затарился, ей богу! Мой желудок заорал благим матом, вспоминая студенческую юность. Во рту сразу набежало целое озеро слюней, готовых в любой момент выплеснуться в лицо одной клыкастой предприимчивости.

– Забирай. Ужин и завтрак, – брезгливо произнес директор, кивая на две пачки. Я не знаю, как вы это едите, но думаю, разберешься.

Да он – сама забота! Интересно, долго я на лапше протяну? Чувствую, что – нет. Ладно, лапшу на уши вешать, но наматывать ее на кишечник? Увольте! Я такое даже ко рту не поднесу!

– Пошел ты со своей лапшой! Мы на лапшу не договаривались! – возмутилась я, скривившись. «Бери, пока дают!» – заволновался Трус. «О! Со вкусом курицы – прикольная! Приправка – самый смак!» – радостно заметил Балбес. «Прорвемся!» – сурово ответил Бывалый и показал остальным кулак.

– Не хочешь, как хочешь, – пожал плечами Ренель, протягивая руку к пачкам.

– Ладно, – вздохнула я, понимая, что из двух зол в пакетах, я выбираю более – менее съедобное. Чувствую, что через пару недель, я буду тихонько пробираться в директорский кабинет и, сидя на корточках, хомячить кошачий корм за обе щеки, рыдая от счастья.

– Франческо договорился по поводу жилья. Будешь жить неподалеку. У одной старухи. Не бойся, она – беззубая. Вот адрес. Давай, проваливай. Мне еще офис закрывать! – выдал работодатель, выставив меня за дверь, – Завтра в восемь. Без опозданий. Попытаешься сбежать – уничтожу. Твой договор не позволит тебе сбежать в твой мир, так что имей в виду. И ты вникай в работу. Ты – теперь риелтор. Единственный риелтор.

– А Франческо? Он же был риелтором? – поинтересовалась я.

– Уволен, – презрительно процедил директор, гордо вскидывая голову. Уволить того, кто сегодня разорвал порочный круг безденежья и привел реальных покупателей? Пусть не рассказывает. Я более чем уверена, что кто-то кому-то не заплатил. Уволили хорошего сотрудника? Ищите его у конкурентов!

Я, сжимая в руках блабук, ручку и две пачки лапши, двинулась по указанному адресу, рассматривая мир, куда меня угораздило попасть. В мир было уже темно или еще темно, я так и не поняла. «Кровавый Переулок, дом 1. Первый этаж. Коричневая дверь. Стучать три раза».

– Пода-а-айте кровушки! – орал какой-то скрюченный упырь, сидя на земле и протягивая стакан, – Отлейте инвалиду! Пода-а-айте бывшему охотнику! Я вас столько лет кормил, а вам даже крови жалко! Ой! Что только с голодухи не примерещится! Кажись, человеком запахло... Да не, показалось.

Я шла по брусчатке, разглядывая дома и вывески. Такое чувство, что архитектура застряла на уровне какого-то европейского города девятнадцатого века. По брусчатке катились экипажи, запряженные лошадьми, витрины магазинов выглядели так, словно сошли со страниц книжек про Шерлока Холмса, а тусклые фонари освещали тротуары и проезжую часть.

Какой-то вампир в фартуке, дергал дверь магазина, вешая табличку «Закррито!». Он убрал к стене стенд с рекламой: «Свежая кровь! Кровь со специями! Кровь с молоком! Недорого! Внимание новинка! Кровавые корочки!»

Я решила обойти его стороной, во избежание известных и предсказуемых последствий. Чуть дальше была вывеска круглосуточной стоматологии «Белый Клык», которая не только навевала мне ностальгию по школьной программе, но и обещала идеальные клыки в любом возрасте. Пенсионерам от ста лет предлагались скидки на зубные протезы и вставные челюсти. Сквозь стекло было видно, как упырь-дантист, самозабвенно ковыряется в пасти упыря – страдальца. Опа! Дантист отвернулся от пациента, бросая окровавленный клык в какую-то миску. Мне стало чертовски интересно. Пациент, охая и ахая, зажимая рот рукой, показывал глазами на какой-то рисунок, где были изображены разнообразные клыки. Доктор достал щипцы и снова погрузился в ротовую полость пациента, заслонив мне весь процесс зуболечения и зубомучения.

Свернув за угол, я поняла, что попала в какие-то трущобы. Фонари уже не освещали улицу, поэтому идти был страшно. А вот и дверь, подходящая под описание. Я постучала три раза. За дверью кто-то зашевелился.

– Хо хам? – прошамкал скрипучий старческий голос. Что-то зашуршало.

– Я по поводу жилья. Это Кровавый Переулок, дом 1? – поинтересовалась я.

– Ховавый пехехулок, хом охин. Похла вон! Я ниохо не хду! – раздался голос, повергая меня в недоумение.

Я развернула блабук и написала письмо одному знакомому скупердяю. Сколько я не проверяла письма, ответ так и не пришел.

– Слышь, бабка, давай по-хорошему! – возмутилась я, понимая, что начальственной помощи, как и зарплаты, ждать бессмысленно, – Франческо сегодня должен был с тобой поговорить и предупредить, что придет человек.

– Хелохек? – прошамкала бабка, – Ты хелохек?

Дверь открылась, и я увидела маленькую, сморщенную бабку, которая рылась в тумбочке, складывая туда кол и какой-то серп, и доставая челюсти. К моему визиту бабушка подготовилась основательно. Не только оружие убийства, но и оружие расчленения.

– Пхоходи! – сказала она, вставляя себе в рот пожелтевшую клыкастую челюсть. Ну, слава Богу! Не хватало еще по улицам шататься. Но про наличие вставной челюсти у бабки мне никто не говорил.

Я прошла в маленькую уютную прихожую, где странным огнем горели свечи. На стене висели портреты, как мне показалось, многочисленной бабкиной родни.

– Твоя комната – там! Не вздумай запираяться! – недружелюбно проскрипел бабка, цыкая зубом. Ничего, с бабкой я как-нибудь совладею. Не на улице же ночевать. Старенькая кровать, тумбочка и стул, стоящий в центре комнаты. Все стены были забрызганы кровью так, что рисунок обоев угадать было сложно. С потолка свисала веревка с петелькой, как бы намекая мне на решение всех проблем.

– Бабка, а веревка для чего? – спросила я, думая, не решил ли мой директор тонко намекнуть мне на единственный способ увольнения.

– Вообще-то не «бабка», а Госпожа Лукреция, – обиделась бабка, стоя в дверях и отчаянно сопя.

«Госпожа Лукреция ищет покорного, спокойного, покойного раба Божьего...» – выдал Трус и сам же засмеялся. Остальные тараканы посмотрели на него. Он все понял и заткнулся.

– Сегодня утром сняли. Жила тут до тебя семья кровоголиков. Постоянно дебоширили. А потом он пропал. Открыли дверь, смотрим, висит она с колом в сердце. Хоть руки у него постоянно тряслись, но в сердце ей попал, – голосом патологоанатома с сорокалетним стажем заметила бабка, обнюхивая меня и цыкая зубом.

– А кто здесь жил до кровоголиков? – осведомилась я, отходя подальше от бабки. От греха подальше. Может, она и Божий одуванчик, но Хома Брут тоже как-то недооценил противника.

– До кровоголиков здесь жил чеснокоман. Что ни утро, то запах чеснока из комнаты. Помер от передозировки, – философски заметила бабка, – До сих пор ходят тут к нему такие же. Адрес путают. Я тут сначала подумала, что ты из них.

– А до чеснокомана? – спросила я, тяжело вздыхая и прикидывая, были ли те, кто съехал отсюда по собственному желанию, а не по причине преждевременной и неизбежной.

– До чеснокомана? Жила здесь одна гулящая. Все говорила, мол, заработаю, быстро перееду отсюда. Переехала... – философски заметила Лукреция.

– Заработала? – мрачно перебила я, мечтая о хотя бы об одном хэппи-энде в череде трагических историй бывших постояльцев.

– Да дослушай ты! Перебиваешь! Переехала ее карета. Травмы, несовместимые с регенерацией, – вздохнула бабка, подходя ко мне поближе и уставившись на мою шею.

– А до нее кто жил? До гулящей? – спросила я, представляя, с какими бы удовольствием я бы поиграла с директором игру «Ван Хельсинг». Можно и в «Блейда» сыграть. Только, чур, я тот, который с арбалетом и с мечом, а не тот, кто с клыками и пафосом.

– До гулящей жили строители. Приехали что-то строить. Что ни вечер, то кровавые оргии. Порешили, – цыкнула зубом бабка Лукреция, разглядывая меня с ног до головы.

– Что порешили? – уточнила я, не сводя глаз с веревки.

– Порешили их сотрудники Кровоконтроля. Не строители они вовсе оказались, а охотники— нелегалы. Вон сколько кровищи осталось. Но платили исправно, исправно... – заметила Госпожа Лукреция, – А до них тут бордель был.

– А бордель тоже убили в полном составе? – ужаснулась я. «Наша служба и опасна и трудна! И на первый взгляд как – будто не видна!»

– Да нет, не всех. Некоторых просто покалечили, – вздохнула бабка, потирая скрюченную спину. Были у меня подозрения, что я разговариваю не только с очевидцем, но и с активным участником событий.

Я не стала уточнять, кто, когда и при каких обстоятельствах это сделал. Ответ на самый злободневный вопрос «где», я уже знала.

– А где туалет и ванная? – наивно спросила я. И мне показали ужасающе грязный санузел.

– А что? Бабушка старенькая... Мыть некому! – обиженно заявила Госпожа Лукреция, глядя на мое возмущенное лицо. Все-таки она больше бабка, чем госпожа.

Я вышла в коридор, и взгляд мой упал на портреты.

– Я вижу, что у вас многочисленная родня, – елеинно заметила я, глядя на крайне неприятные лица.

– Это – не родня. Это те, кто должны мне денег, – цыкнула зубом бабка, не сводя глаз с моей шеи, – Я тут займами занимаюсь. Так вот, условие выдачи займа – портрет. У меня целый секретер расписок. А этих повесила, чтобы не забыть. Хожу каждый день мимо них, проклиная помаленьку. Недавно студент приходил. Денег на обучение ему не хватало. Как с топором пришел, так с ним и вынесли.

Она поскребла длинным когтем кровавое пятно на старых обоях, плюнула и пошла к себе, оставив меня наедине с двумя пачками лапши, при полном отсутствии вилки, тарелки и ложки. Пришлось хрустеть ею, запивая ее холодной водой из-под крана. Нет, я тут и недели не протяну. Это точно.

Только стоило мне улечься спать, «вдруг, как в сказке скрипнула дверь». Надо мной, покачиваясь, стояла бабка, цыкая зубом.

– Вам обязательно так стоять? – поинтересовалась я, поворачиваясь к ней лицом и прикрываясь вонючим одеялом.

– Спи, – цыкнула бабка, поправляя челюсть.

Ага, «покойной ночи, не дыши». Я отвернулась к стене, чувствуя, что чертовски хочу поспать.

– Раз уж вы тут стоите... Завтра в семь разбудите. Мне к восьми на работу... – вздохнула я, закрывая глаза.

Глава четвертая. Жизненный. Опыт. Помогает. Адаптироваться

То, что Жизненный Опыт Помогает Адаптироваться, я поняла в первый свой полноценный рабочий день. Использованные портреты директора не могли с лихвой компенсировать дикое несварение желудка, душевные страдания, сомнения и терзания. В промежутках между моими походами в «тайную комнату», к нам заходили «покупатели».

Первыми моими клиентами стала молодая пара упырей, который высосали половину кулера, повествуя о том, что хотят купить ма-а-аленький домик. Перерыв все портфолио «ма-а-аленького домика» я не обнаружила. Под описание и сумму, которой располагали покупатели, подходил только двухместный гроб без вентиляции с наглухо прибитой крышкой и гирляндой чеснока в качестве надгробного украшения. Я постаралась им деликатно намекнуть на это, но они даже слушать не хотели. Они с удовольствием рассматривали альбом с красивыми иллюстрациями, прикидывая, какую перестановку сделают и сколько гостей позовут на новоселье.

– Кол мне в сердце! Ничего себе люстра! Какая прелесть! – цыкнула зубом упырица, показывая своему спутнику картинку.

– Да, любовь моя, красивая, – вздыхал упырь, поднимая глаза вверх и цыкая зубом.

– Кол мне в сердце, смотри какая кровать! – толкала своего спутника локтем упырица.

– Да, радость моя, красивая, – снова вздыхал упырь, не сводя с меня глаз и отхлебывая кровушку из чашки.

И так каждую минуту над каждым изображением в каждом альбоме. Кол мне в сердце!

Мне дико хотелось оставить автограф директору, но эти кровососы не собирались уходить. Я ерзала на стуле, прикрываясь дежурной улыбкой, пытаюсь поправить нечёсанные волосы, тоскливо молясь на закрытую туалетную дверь. Парочка изредка обменивалась поцелуями, листая изображения залов, столовых и спален. Трус в моей голове причитал, заламывая лапы: «Ой, не добегу!». И вот последний альбом подошел к концу. Я уже готова была помахать им ручкой, но тут упырица, цыкая зубом и глядя в мою сторону, сообщила, что хочет посмотреть второй альбом еще раз. Трус простонал: «Не доживу!». Я старалась думать о хорошем, глядя в сумрачную даль окна. За окном проезжали экипажи, сновали упыри. Я чувствовала духовное родство с Баффи, явно не разделяя ее любви к отдельным клыкастым особям.

– Господа, я понимаю, что покупка недвижимости – это очень ответственное решение. Особенно для молодой семьи. Я понимаю, что вам нужно хорошенько все обдумать и обсудить... – мой желудок заурчал, намекая на то, что сил моих больше нет, – Приходите завтра. Не переживайте, мы все не продадим. Просто сейчас должен прийти еще покупатель. Мы договаривались с ним на это время.

Я авторитетно взглянула на часы. Шел только второй час моей работы. С некоторым сожалением, сладкая парочка поставили пустые кружки на стол, положила альбомы в общую кучу и направились к выходу продолжая цыкать зубами, обсуждая увиденное и унюханное. «Мозго...сосы» – вздохнула я, понимая, что ничего купить они не собираются.

Если бы я участвовала в соревновании по бегу с несварением желудка, с призом в виде туалета на финише, я бы обогнала кенийского бегуна, которого на финише ждала бутылка с водой. Я бы поставила мировой рекорд. С чувством хорошо исполненного долга, спустив на воду физиономию одного работаровца, я вернулась на место, с сожалением вспоминая, что в моей сумке в потайном кармане лежали лекарства на все случаи жизни. Дверь открылась, и в офис вплыла какая-то пожилая упырица с маленьким упыренком, держа его за руку.

– Ты хотел посмотреть на человека? – строго спросила она, наклоняясь к малышу.

– Селовек! – радостно тянул ко мне свои кровожадные ручки маленький кровопийца, – Селовек!

– Да, дедушка когда-то кусал таких, – вздохнула пожилая упырица, цыкая зубом, – Помнишь, он тебе рассказывал! Как правильно кусать за шею, чтобы попасть в артерию!

– Куси селовек! Куси селовек! – восторгался упыренок, пытаясь вырваться. Он пенился слюной, захлебывался, пытаясь дорваться до меня.

– Видишь, написано «Не продается! Руками не трогать!» – поучала упырица, – Смотреть и нюхать можно, а руками трогать нельзя. Это – чужой человек.

– Купи селовек! – захныкал упыренок, пуская слюни, – Купи селовек! Селовека хосю!

– Вот будешь хорошо кушать кровушку, тогда и купим тебе человека, – произнесла бабушка, вытаскивая орущего внука на улицу, – А кто кровушку плохо пьет, тому никакого человека!

«Будиш маму-папу слушать будиш чиловека кушать!» Заглянули к нам, нагуляли аппетит, теперь пора кушать и баиньки. Не дай бог, сюда детсадовскую группу приведут на экскурсию. В целях повышения образованности. Или школьный класс. Я представила учительницу с указкой, которая тыкает ею в мою шею, мол, кусают сюда, рот отрывают широко, правильная постановка клыков – такая-то, кровь нужно сосать с такой-то скоростью, чтобы не захлебнуться. А класс сидит и записывает, цыкая зубами. Цык-цык.

Все. Теперь я не только реклама, но еще и мотивация для подрастающего поколения. Сдали бы меня в зоопарк и показывали упырям за деньги. Сиди себе в клетке, кушай, спи, почесывайся. Того и глядишь что-нибудь сквозь прутья кинут. Вкусненькое. Видела когда-то тигра – любимца публики, страдающего хроническим ожирением. И теперь я ему искренне завидую. Черной завистью. А вот того, кто напишет табличку: «Человека не кормить!» я прокляну до седьмого колена.

Не представляю, какой аншлаг соберется в агентстве «Кровавые Узы», когда у меня через неделю начнутся критические дни. По количеству фанатов я переплюну группу «Queen». Да я стадионы собирать буду. И самое неприятное, что ни петь, ни танцевать, ни шутить мне не придется. Главное, сувениры в толпу не бросать – озвереют. Угрозило меня, ей богу!

Дверь открылась, и в офис вплыла какая-то солидная упырица. Бросив взгляд Лемиру, которая сидела и лениво выписывала договора, она подошла к Бриссе, которая тут же указала рукой на меня, не отрываясь от блаббука и тихо хихикая. Дед спал, закинув голову и безбожно храпел. Челюсть он положил поближе. На всякий случай.

– Вот как, значит? – упырица смотрела на меня взглядом строгой школьной учительницы и поджимала губы. Ну, где? Я жду? Пять... четыре... три... два... Цык! Есть контакт!

– Вы продаете недвижимость? Забавно! – усмехнулась упырица, с достоинством присаживаясь в кресло и расправляя красивое и явно недешевое платье, – И что вы можете мне предложить? Учтите, старые особняки меня не интересуют, замки – тоже. Может быть, усадьбы?

Я протянула ей альбом с усадьбами.

– А почему вы не предложили мне кружечку крови? – высокомерно заметила она, поглядывая на кулер, – Или вас не выдрессировали подносить покупателям кровь? Надо будет сделать замечание вашему хозяину, чтобы он дрессировал вас, как следует.

Может, мне еще через горящий обруч попрыгать? Внимание! Смертельный номер! С криком «Але... Оп!» я прыгаю через огонь и получаю сахарок. Зал в восторге от моей сообразительности, ревет и рукоплещет. Главное, чтобы передо мной не выводили зверинец, страдающий расстройством желудка. И чтобы сахарок случайно не уронили в навозные опилки.

– Я – не дрессированное животное, – ледяным голосом ответила я, холодно глядя на клиентку.

– Надо будет сказать хозяину этой конторы, чтобы человек вел себя, учтиво и знал, что разговаривает с венцом природы – вампиром. Конечно, что взять с тех, стоит на ступень ниже

в своем эволюционном развитии, – грудным голосом и с томным вздохом произнесла упырица, лениво перелистывая страницы, – Я всегда была уверена в том, что люди – это просто животные. Но, я думала, что они поддаются дрессировке и обучению. Я удивлена, почему ты еще не принесла мне кровь.

Он перелистнула еще одну страницу каталога, искоса взглянув на меня.

– Неужели люди настолько тупы, что им нужно повторять дважды? – произнесла посетительница, с интересом рассматривая какую-то картинку.

Я молча встала, взяла кружку, набрала в нее кровь, а потом поднесла упырице.

– Ты должна становиться на колени, предлагая мне кровь, – заметила та, читая описание под каким-то мрачноватым замком, – И обращаться ко мне должна не иначе: «Да, моя госпожа!» Ну же, я жду! Давай, маленький мерзкий человечек, вспоминай, чему тебя учили! Ну же!

Я медленно, с дежурной улыбкой разжала пальцы, кружка с кровью упала на пол, разлетелась вдребезги, обрызгав кровью туфли посетительницы и подол ее бордового платья.

– Да как ты смеешь! – возмутилась она, бросая на стол альбом.

– Случайно получилось, – спокойно и холодно ответила я, а потом улыбнулась, – Приношу свои глубочайшие извинения за причиненные неудобства.

– Ах, ты... – возмутилась упырица, разглядывая брызги крови на своей одежде, – Отвратительный сервис! Да ты знаете, кто я, мерзкий человечек? Да ты должна мне в ножки кланяться и туфли вылизывать! Я считаю это – личным оскорблением! Меня только что оскорбили! Я подам жалобу! Где у вас жалобная книга?

Лемира молча показала на книгу, лежащую на подоконнике.

Упырица взяла ручку и стала выводить отзыв. Выводила она старательно, с омерзением поглядывая на меня и цыкая зубом. Я с омерзением смотрела на нее.

– Пишите, пишите! – заметила Брисса, цыкая зубом, – Наберется пять плохих отзывов – мы ее съедим. Директор обещал.

Вот, сволочи! А я – то думаю, почему все так притихли? Я почувствовала себя бутылкой «Хеннеси», которую разопьют на какой-нибудь местный праздник, а потом побегут за следующей.

Дверь за «жалобщицей» с грохотом закрылась. Я вытерла кровь, собрала черепки и принесла другую кружку. Эту кружечку я нашла среди хлама и даже сполоснула. В туалете. В прямом смысле этого слова. Держа двумя пальцами это фарфоровое произведение искусства, я осторожно поставила его возле кулера. Пейте на здоровье!

Только я снова собралась в «тайную комнату» мстить Ренелю, как снова появились покупатели. Мамашка – упырица с тремя спиногрызами-кровососами. Детки потянули воздух и ломанулись ко мне. Мать не успела открыть рот, как старшенький в бархатном костюмчике, пенясь слюной, попытался укусить меня за руку, но тут же произошло нечто странное. Он отлетел к стене и заорал, как резанный.

– Что ты сделала с Людвигом? – истерично заорала мамашка, бросаясь ко мне и бурля от негодования, – Ты ударила Людвига! Разве так можно? Он же ребенок! Я подам на тебя жалобу! В высшие инстанции! Знаете, кто мой муж? Он работает у Фюрста Эдлера! Да он всю кровь тебе выпустит! Попомни мои слова! Людвиг, пойдем, мой сладкий. Тебе больно? Ты ушибся? Не плачь, мой хороший. Папа ей всю кровь выпустит! Я напишу в Магистрат! Мы прямо сейчас идем в Магистрат писать жалобу! Нашу жалобу пропустят без очереди!

Упырениш орал, как резанный, пока его волокли к выходу. Брат и сестра орали вместе с ним, без повода и за компанию. Создавалось впечатление, что это хоррор – экранизация «Трех поросят», которая закончилась суровой расчлененкой главных героев. Но перед этим они весь фильм так орали, что зрители, которые к концу фильма были же всецело на стороне

маньяка – волка, уже умоляли расчленив их как можно скорее, с наслаждением вслушиваясь в последние повизгивания и недоверчиво вглядываясь в последние конвульсии.

Самое главное, что я даже рот открыть не успела. Взяв со стола ручку, я написала на бумажке, которая висела на моем столе. «Держите детей за руку. За последствия не отвечаю».

Недолго дверь была закрытой. В маленький офис ввалилось целое семейство. «И мёртвые, и живые, и не рождённые». И сразу стало очень тесно и неудобно. Было у меня такое ощущение, что вон ту бабушку буквально пять минут назад откопали, а этого грудного упыренка, который сосет кровь из груди матери, только что забрали из роддома. Всего их было человек десять, включая босоногих детей и подростков.

– Нам нужен дом! – сообщили они, дружно зацывая. Я сморщилась от омерзения. Как же это цыканье действует мне на нервы. Ей богу!

Глава семейства в бордовом сюртуке, он же по совместительству – командир семейного отряда, неприязненным голосом добавил:

– И почему сейчас недвижимость?

Я уклончиво сообщила, мол, смотря, что их интересует. Родовые замки или усадьбы? Цены разные...

– Нет, ну ты скажи, сколько стоит однокомнатный дом? – наседали на меня глава семейства, цыкая зубом. Я тоскливо взглянула на всю эту ораву, прикидывая, как они всем табором собираются уместиться в одной комнате и жить из расчета один метр квадратный на особь. Конечно, при большом желании уместится можно. А в случае острого финансового кризиса угол комнаты вполне можно сдавать чисто плотному и спокойному цыганскому табору.

– Но чтобы в центре! – добавила упырица, прикладывая упыренка к другой груди. Упыренок икал и давился. Дети уже атаковали кулер, поочередно отхлебывая из дежурной чашки, доставляя мне истинное наслаждение. Увааемые, если вы регулярно приходите в офис и ведете себя по хамски, то вам лучше приходите со своим стаканчиком.

– И чтобы со всеми удобствами... – проскрипела бабушка, а потом испустила такой сиплый вздох, от которого мне стало понятно, что из недвижимости в ближайшее время ей светит только гроб.

– И чтобы школа была недалеко...

– И чтобы магазины были рядом...

– И чтоб недорого...

Я показала им портфолио. Пусть сами выбирают.

– Ничего себе у вас цены! – цыкнул зубом глава семейства, с ужасом просматривая каталог. Другие поцыкали и согласились. Упырята подрались за кружку и разбили ее. «Это – не я! Это Эдуард!», «Нет, это Винченцо!» «Да что сразу Винченцо! Я вообще в сторонке стоял!» «Я тебе сейчас руку откушу!». «Мама! Он мне руку хочет откусить!». «Мама! Не верь ему! Ма-а-ама!». «Ай! Он меня укусил! Мама, а Бернар меня укусил!» «Ма-а-ам!»

Я с омерзением наблюдала за тем, как многочисленные кровососунки возились возле кулера. Кулер шатался, но родители, очевидно, привычные к такому безобразию, не обращали внимания на крики и вопли со стороны своих чад.

«Ма-а-ам! Винченцо мне клык выбил!» – орал упыреныш, показывая маме на ладошке клык.

– Новый вырастет! Это – молочный. Выбрось его! Дорогой, пойдем отсюда, – недовольным голосом сообщила мать, глядя, как малец срыгивает кровушку, – Пусть продают свои халупы богачам!

– Ничего себе! Ты видела цены! Они совсем с ума посходили! – возмутился отец семейства, выпихивая малышня по очереди, параллельно разнимая их. Забыли бабушку, но она поохала, поцыкала и доковыляла до двери.

Табор ушел в небо. Да им не дом, а кибитка нужна. Куда поставил, там и дом. Хоть жалобу не написали, и на том спасибо. Вечерело. Начальник мой так и не появился, зато остальные, почуяв свободу, решили слинять по-тихому. Я осталась в офисе одна, сторожить. Ключ мне, разумеется, никто не оставил. Было у меня горячее желание покинуть офис, просто прикрыв дверь, но есть все шансы, что за такое своеволие завтрашнее утро начнется с завтрака с моим непосредственным участием в качестве главного блюда.

На часах было полседьмого. Я сидела за блаббуком и читала последние новости. Фюрст Орсино пообещал увеличить пенсии по потере клыкков. Мне это не грозит. Накрыли еще одних кровавых подпольщиков. В изъятой партии крови обнаружен боярышник. Фюрст Чезаре предложил легализовать продажу осинового колов, в качестве средства самозащиты. Время шло, Ренеля не было. А я уже проголодалась. Я осторожно подошла к двери кабинета директора и с удивлением обнаружила, что она открыта. Никого? Никого! Я бросилась к сейфу, но сейф был закрыт намертво. Мешок с лапшой исчез, а вот мешок с кошачьим кормом стоял на месте. Борьба гордости с голодом закончилась в пользу последнего. Я зачерпнула коричневые шарики и понюхала. Пахли они, конечно, специфически. Может быть, кошкам нравится, но я как-то не уверена в том, что это можно есть. Я попробовала один на вкус, разжевала его и проглотила. Пойдет. Стерпится, слюбится, переварится. Я заплакала, сжимая в руке горсть кошачьего корма. Да что я в самом деле! Как мне потом смотреть себе в глаза? Нет, у меня еще есть остатки гордости. Я высыпала корм обратно, отряхнула руки и вернулась на свое рабочее место. Мои руки пахли кормом, а желудок скорбно урчал.

Внезапно дверь открылась. Ну, наконец-то, этот жмот пожаловал! Нет... Это не он. На пороге стоял упырь в черном. На нем был приталенный сюртук, застегнутый на все пуговицы. Из горлышка торчало белое кружево воротника, а на груди, на массивной золотой цепочке из пластин висел какой-то медальон. Что-то похожее я видела в фильме про средневековую Венецию. В руках у него была черная трость с серебристым набалдашником. Волосы у гостя были темные, почти черные, с легкой проседью. На вид ему было под сорок по человеческим меркам. Упырь поднял на меня свои траурные холодные, серые глаза, выражающие вселенскую скорбь, и двинулся в мою сторону. Гость слегка прихрамывал при ходьбе, но благодаря трости это было едва заметно. Правильные черты лица, глаза, посаженные чуть ближе, чем надо, в обрамлении темных ресниц, с опущенным вниз внешним уголком придавали ему такой скорбный вид, словно он только что вернулся с чьих-то преждевременных похорон.

– Я приветствую вас! – лениво сказал упырь, погружаясь в кресло. Да! С таким голосом ему нужно брать в руки гитару и петь: «Лашате ми кантаре! Кол ма гитарой мано!». Гость неторопливо осмотрелся и вздохнул. «Итальяно веро!»

– Я хочу приобрести недвижимость. Что вы можете предложить? – спросил он, пока я мысленно допевала: «Ма... перке... ту сей натра донна... Ма... перке...» под жалобный аккомпанемент желудка.

– Вы меня слушаете? – спросил он, а мой мозг крутил пластинку дальше. «И се те не зис те па...». О! Джо Дассен.

– Да, я вас внимательно слушаю, – кивнула я, глядя с ненавистью на часы, – Вы можете посмотреть наши альбомы. Может, чашечку крови?

– Воздержусь. Я не собираюсь пить из общественной кружки. Даже если вы ее предварительно помоете в моем присутствии, – гость равнодушно листал альбомы, подложив кулак под щеку и изредка бросая на меня взгляд. Я молча смотрела на часы. Была у меня тайная надежда, что завтра я услышу новость о том, что моего начальника нашли в переулке с колом в сердце.

– Убожество. Такое ощущение, что в этой комнате кто-то закололся. Не выдержали нервы у бедняги, вот и решил свести счеты с жизнью. Я прямо представляю, как он, глядя на эти обои решил на столь ответственный шаг. Любой, кто зашел бы в комнату, понял, что подтолкнуло страдальца взять в руки кол, – абсолютно спокойно и меланхолично заметил упырь, перели-

стывая страницу, – А здесь, судя по цветовой палитре, подрабатывал подпольный бордель. В три смены. Без перерывов и выходных.

Я молча вздохнула, закатывая глаза. Отлично! Теперь мне придется выслушивать его едкие комментарии. Делать мне больше нечего.

– Унылый шик, – вздохнул упырь, перелистывая страницу, – Феерическая безвкусица.

– А что вы ищете? – поинтересовалась я, из банальной вежливости.

– Мне нужно такое место, чтобы мои знакомые прокляли тот день, когда я его купил. Информации достаточно? Кстати, я вас не сильно задерживаю? – задумчиво сообщил гость, поднимая на меня свои траурные серые глаза.

– Нет, – тоскливо ответила я, глядя, как маленькая стрелка поползла к восьми, – Ничуть.

Я принялась. Пахло чем-то таким, что навевало мне воспоминания о чашке кофе с корицей и плитке горького шоколада. Ни от чего из вышеперечисленного, я бы сейчас не отказалась бы.

– Ладно, я увидел, то, что хотел. Вот визитка. И на будущее. Я никогда не пью из чужих кружек, – равнодушно заметил гость, поднимаясь с кресла и опираясь на трость. Он высокомерно смотрел на меня, чуть склонив голову на бок.

– Может быть, вам лучше приходить со своей? – мрачно заметила я, бросая на гостя усталый взгляд.

Гость не ответил мне. Он просто стоял и смотрел на меня. Рука в черной перчатке протянула мне визитку с каплей крови.

Я смотрела ему в спину с легким раздражением. Упырь, опираясь на трость, открыл дверь и растворился в темноте. Дверь за гостем закрылась. «A. Lois» красовалась на ней надпись золотыми буквами. Я взяла визитку, повертела ее в руках, добавив в контакты на всякий случай. Что-то меня немного смутило в этом товарище. Да! Он ни разу не цыкнул зубом. Ни разу. Может, у него уже цыкать нечем? Может, он от меня сразу к дантисту отправится, вкручивать себе новые клыки?

Время полдевятого. Мне что? Ночевать здесь? Без пятнадцати девять в офис ввалился директор.

– Где остальные? – спросил он странным голосом, пошатываясь и глядя на пустые столы.

– Время видел? – кивнула я на часы и стала собираться на постой к доброй старушке, исполняющей обязанности моего будильника.

Директор шлепнул на мой стол еще один альбом. Я открыла его и увидела, что это – участки. Судя по всему, мы теперь продаем все, что только можно продать. Я стала собираться, поглядывая на часы. Ренель взял книгу отзывов и прочитал последнюю исписанную страницу.

– Это что еще за новости! – заорал он на меня, швыряя книгу на место.

Меня кто-то слил. Одна очень гастрономически заинтересованная сторона проявила инициативу и включила ябеду.

– Да как ты посмела оскорбить виконтессу! – орал Ренель, швыряя книгу обратно, – Она – одна из самых богатых и влиятельных женщин Кратора!

– А как она посмела оскорбить меня? – спросила я, с вызовом глядя в глаза бессовестному руководителю.

– Мне плевать, кто тебя оскорбляет! Пусть хоть ноги об тебя вытирают! Если ты так и дальше будешь себя вести, то угрозишь репутацию моей фирмы! Ты меня слышала? Делай то, что тебе говорят! Пять отзывов и мы будем прощаться. В самом плохом для тебя смысле этого слова. Ты поняла меня? А теперь бери швабру, тряпку, ведро и мой пол! Быстро, я сказал! И еще. Если за неделю у тебя не будет хотя бы одного покупателя, я сделаю выводы! Ты меня поняла? Сегодня ты без ужина и завтрака. Мы здесь деньги зарабатываем, а не сидим, сложа ручки! Я понятно выразился?

Я, молча с плохо скрываемой ненавистью, смотрела ему в глаза. Перед глазами стоял пакет кошачьего корма с энергичной кошкой на этикетке. А счастье было так близко.

– Взяла швабру и приступила к уборке. Ты здесь никто и звать никак, – заметил Ренель, закрывая за собой дверь. Я взглянула в сторону туалета, потом на входную дверь. Молча собрав свои вещи, я вышла из офиса, с размаху хлопнув дверью. Пусть сам моет, раз такой умный. Я лучше буду голодать, чем ползать с тряпкой и изображать трудолюбивую Золушку. На риелторе сэкономили, на зарплате сэкономили, теперь на уборщице экономить будем? Пусть отсосет боярышника! Уставшая и вымотанная я плелась домой. Магазины были закрыты, даже у круглосуточного стоматолога не было записи. Доползя до умывальника и грязной ванной, а потом до своей кровати я упала и уснула. И снилась мне ароматная чашка кофе, а рядом с ней лежала большая черная шоколадка. Снился мне бутерброд с колбасой и сыром, тарелка гречки и большая котлета.

Я проснулась среди ночи от того, что надо мной, как стервятник над будущей падалью, стоит бабка. О нет, я еще живая. Бабка журчала слюнями, которые стекали ей на подбородок и капали на вышитый слюнявчик, который она бережно разглаживала руками.

– Разбудите меня, пожалуйста, в семь тридцать, – зевнула я, переворачиваясь на другой бок, досматривать сон про котлету.

Глава пятая. Ни кола, ни двора

Всю мою жизнь в этом кровожадном мире можно охарактеризовать одной фразой: «Ни кола, ни двора». Кстати, по поводу кола... Баффи, Блейд, Ван Хеллсинг и прочие охотники за кровососущей братией стали для меня чем-то вроде героев моего положения. Я мысленно прокручивала в голове фильмы, в которых вампиров уничтожали с особой жестокостью. Даже обаятельного Дракулу мне было уже не жалко. Эдвард Каллен, мечта девушек, не умеющих готовить, стал казаться мне просто лапочкой, а его семейка – ангелами. Но боюсь, что и ему бы досталось бы за компанию, будь я охотником на упырей. Кол в сердце для профилактики. Почему какой-то неуклюжей малолетке повезло попасть в дружную семью упырей, а мне, без двух месяцев тридцатилетней, так не подфартило? В отличие от Белки, которая, не смотря на всю заторможенность, умеет профессионально играть на нервах, у меня даже есть музыкальное образование! То есть не Эдвард бы мне колыбельные играл, а скорее, я ему.

Я сидела на работе и доедала всухомятку лапшу, которую мой бог щедрости бросил мне с утра на стол, перед тем, как исчезнуть в неизвестном направлении. Портфолио участков, которое я решила изучить, радовало меня своим разнообразием и описанием.

На картинке был изображен участок под таким углом, что только самый выносливый муфлон способен удержать на нем равновесие. Остальные просто отпадали и катились в пропасть, как моя несчастная жизнь. «**Незначительный уклон**» – значилось в объявлении. Я представила, как я вместе с потенциальным покупателем, сажусь на клеенку в одном конце и с ветерком съезжаем в другой конец. Или я держу покупателя за руку, зависнув надо пропастью. Если бы я не смотрела фильм «Скалолаз», и не знала приблизительный сюжет, то наверняка бы я подумала, что это фильм про риелтора и про этот участок с «незначительным уклоном». Судя по карте туда можно добраться исключительно при наличии альпинистского снаряжения. Нет, этот участок я буду предлагать в последнюю очередь!

«**Коммуникации в шаговой доступности**». Я взглянула на кусок карты, приложенный к описанию. Я представила бедолагу три года блуждающего в лесах, сосущего белок и ежей, чтобы выйти в город. Сходил за кровушкой! «Дорогая, я сейчас вернусь!» – сказал глава семейства и пропал без вести лет на пять. И не дай бог вспомнить на половине пути, что забыл кошелек!

А вот участок в лесу с избушкой в комплекте. Избушка строением не считалась, поэтому вся эта композиция значилась, как участок. «У леса на опушке, жила семья в избушке. Она людей солила в осиновой кадучке!». Дорога к участку не вела. А зачем дорога? Вот этот выбритый кусочек Сибирского леса – весь твой мир, уважаемый покупатель.

«**Есть небольшие проблемы с документами**» – значилось в описании лысого, как голова Брюса Уиллиса участка в степи. Интересно, сколько счастливых владельцев этого лакомого кусочка готовы впиться друг другу в шею за право его обладания.

В дверь вошел Ренель, ведя за собой семейку упырей.

– Это она? – спросил глава семейства, кивая в мою сторону, – А можно, она нам покажет апартаменты!

Зубы зацкали. Может быть, у упырей теперь примета появилась новая, типа, если первым в новый дом впускают человека, то это обеспечивает благополучие, богатство и процветание?

Мне на стол упали ключ и карта проезда. Я молча встала, взяла бладбук и поплелась вслед за покупателями, которые к моему счастью знали приблизительный адрес. В отличие от меня.

Я села вместе с ними в карету. Упыри облепили меня со всех сторон. Они еще долго ругались всем семейством, кто будет сидеть рядом со мной. В итоге решили, что все лучшее – детям, поэтому с двух сторон меня облепили маленькие упырята. Меня трясло, зубы цыкали,

слюни текли. Судя по району и взглядам, которые на меня бросали, скоро во всех новостях будет «трупик риелтора был найден в хорошем районе, коммуникации недалеко, в шаговой доступности, есть вымощенный брусчаткой подъезд!»

Решение продать эту готичную недвижимость, очевидно, наступило вследствие обстоятельств непреодолимой силы. И я их отчетливо видела. Огромная трещина, в которую в некоторых местах спокойно могла бы пролезть не только моя рука, но и хорошо откормленная вискасом кошка, ползла по фасаду и доползала до самой крыши. Мрачные горгульи, которых я сразу нарекла «жена» и «теща», сидели по обе стороны от проржавевших ворот на треснутых и заросших каким-то темным плющом каменных пьедесталах. Я сразу представила, как бедолага, пришедший с работы уставший и голодный, сразу видит эти оскаленные морды, которые как бы намекают, что его здесь помнят, любят и ждут.

Я толкнула скрипучую калитку, шагая к старой двери, с облезлой краской.

Меня немного смутила куча каких-то черепков, под ногами, но первое дуновение ветра сразу расставило все точки на «ё». Было у меня такое ощущение, что я попала под вражеский огонь. Я, вжимаясь в дверь, тоскливо взглянула на семейку упырей, которая пережидала сход черепицы возле кареты.

Дверь не открывалась. Я мучила ее и так, и эдак, но ржавый ключ никак не хотел открывать ржавый замок. Я ее и дергала, и толкала, но все бесполезно. Под конец мои мытарства закончились победой. Я пропустила покупателей вперед, а сама прикрыла дверь. Захлопывать ее я не стала, потому, как не хотелось остаться запертой с голодной семейкой упырей. То, что они проголодались, я узнала еще в карете. У меня до сих пор рукав с той стороны, где сидел их старшенький, мокрый от слюней.

Мы оказались в большой парадной. Пыльная люстра радовала нас лианами пыли, почерневшие от плесени обои – новым экзотическим рисунком. Деревянный пол под ногами скрипел, как свежесвыпавший снег, а с потолка, с треском упала часть алебастровой лепнины.

– Зато просторно, – мрачно выдала я, глядя на унылые лица покупателей. Они разочарованно вздыхали и цыкали зубами. И тут я вспомнила слова директора, что если мне не удастся ничего продать, то надобность во мне отпадет. Я никогда до этого напрямую не работала риелтором, но смотрела фильмы. Там риелторы рассказывали такие сказки, что диву даешься, из какого пальца они их высасывают на ходу.

– Сразу видно, что этот дом хранит частичку истории. Неизвестно, какие тайны скрывают эти старинные обои, – провела я рукой по плесени. Пробный камень был брошен в огород покупателей. Вампиры, которые стояли и тоскливо рассматривали остатки былой роскоши, подняли на меня свои чуть светящиеся во тьме глаза. Зрелище было жутковатое.

Я взяла себя в руки.

– Вы только представьте, что прямо на этой самой лестнице, какой-нибудь солидный муж, ну прямо как вы, – я указала рукой на главу семейства, – вел под руку свою очаровательную жену, чтобы представить ее гостям. Я уверена, что его супруга была очаровательна, но не столь прекрасна, как ваша! Гости, увидев ее, были в восхищении. Старинная люстра освещала их удивленные лица, в фамильном камине горел огонь. Все завидовали это прекрасной паре.

– А здесь, – я указала рукой на стену, – висели портреты distinguished родни, которая молча смотрела на то, как в этом самом доме, которым они так дорожили, живут их потомки. А в зеркалах отражались танцующие пары.

Я умолкла. Вампиры с интересом смотрели на стену, шепотом прикидывая, поместится ли их генеалогическое древо на одну стену, или стоит занять еще противоположную. В итоге после долгих разбирательств, чья родня будет висеть справа, а чья слева, я поняла, что нахожусь на верном пути и решила развивать тему дальше.

– Это – просто старый дом, – заорал вампиреньш, вытаскивая ногу из дырки в полу, куда случайно провалился.

– Не старый, а старинный! Он когда-то служил многим поколениям, а теперь ему не хватает чуточки внимания, тонкого вкуса, небольшого ремонта, чтобы он снова засиял всеми красками, – продолжила я, чувствуя, что так усиленно я не сочиняла даже, когда писала объяснительную за опоздание.

– А давайте поднимемся наверх? – предложила супруга. Она пошла по лестнице вслед за мной, а остальное семейство потянулось следом. В длинном коридоре было множество комнат. Мы заглядывали поочередно в каждую, а мне приходилось на ходу придумывать историю про каждую из них.

– А в этой комнате, – я бросила взгляд на огромную рассохшуюся кровать, – размещалась хозяйская спальня. Сколько слов нежной, искренней любви, говорили друг-другу супруги, лежа в обнимку на этой кровати. А потом они вставали, шли в соседнюю комнату, где спали их наследники, целовали их на ночь и говорили: «Когда ты вырастешь, этот дом будет твоим. Береги его!»

У меня чуть слезы на глаза не навернулись от умиления. О, как я загнула! О, как я жить хочу!

– А в этой комнате, хозяйка сидела у окна и смотрела на дорогу, в надежде, что ее муж вернется сегодня пораньше, и она сможет обнять его, сбегав вниз по лестнице. Этот дом был уютным семейным гнездышком, в которое хотелось возвращаться. Наверное, если дом мог говорить, то он сказал бы вам: «Оставайтесь. Не бросайте меня. Я буду хранить покой вашей семьи. Я снова хочу слышать радостные крики детей, топот детских ножек по коридорам. Мне не хватает совсем небольшого, косметического ремонта и заботливых хозяев! Тем более, цена совсем маленькая для дома, который некогда был бесценным!»

Все, театр одного актера окончен. Апчхи! Кхе-кхе! Сколько же здесь пыли!

Упыри долго совещались, тыкая пальцами в стены. Дети уже раз десять пробежали по ступенькам с таким грохотом, что мертвый высунулся из гроба, чтобы поинтересоваться, какая сволочь не дает ему обрести вечный покой?

– Поехали в офис. Мы согласны, – постановила упырица, с интересом глядя на себя в треснувшее зеркало.

Предвкушая первую продажу, я ерзала на сидении, чувствуя, не смотря на ликование в душе, резь в голодном желудке. Сделка прошла быстро. Ренель самолично заполнил договор, поставив кровавую печать из собственного пальца, пересчитал деньги, которые вручила ему семья, отдал им ключи и молча удалился в свой кабинет.

Я ради интереса, открыла блэдбук и написал адрес. В каких-то хрониках правонарушений нашлось вот что:

«В этом особняке жил убийца, который наколот всю свою семью, а потом закололся сам. С особой жестокостью он расправился со своими детьми, которые громко бегали по лестнице, мешая ему сосредоточиться на ответственной работе. Когда супруга бросилась на него с колом, он выхватил его и пронзил ей сердце. Убийца бросил ее умирать на лестнице. Оставив предсмертную записку, где он сообщил, что никогда не любил жену, регулярно изменял ей, ненавидел детей, хозяин покончил жизнь самоубийством. Когда обеспокоенные родственники увидели кровавую картину, они решили как можно быстрее избавиться от этого дома. В данный момент дом выставлен на продажу».

Ну, в чем-то я все-таки была права? В доме жила семья? Жила! Не сказать, что долго и счастливо, но жила же? Вот и все! Ну? Где мой сахарок? Где мой процент? Где моя еда, в конце концов?

– Может быть, ты как-то улучшишь мое питание? Иначе скоро тебе понадобится другой риелтор! – собралась с духом я, пиная директорскую дверь, – Я не могу эту гадость есть!

– Я подумаю. Но не сейчас. Если что – меня нет! – крикнул Ренель, а я отчетливо услышала звон монет.

«Там Царь Кощей над золотом чахнет!» – вздохнули мои тараканы. «Кошачий дух, там кормом пахнет!» – простонал мой желудок. «И кому же в ум придет, на желудок врать голодный!» – вздохнула я, надеясь, что мне что-нибудь перепадет. Но, увы. Вот так бесславно и безвозмездно прошла моя первая сделка.

Ренель вышел из своего кабинета, как ни в чем, ни бывало, и направился к выходу.

– Где мой процент? Я едва уговорила покупателей зайти внутрь этой развалюхи! – возмутилась я, вставая с места, – На них чуть крыша не рухнула!

– Но нашел их кто? Правильно, я! Они уже были согласны купить любую недвижимость, тем более, что этот дом продавался за бесценок. Дешевле его я ничего не знаю в черте города! Я им еще и скидку сделал! – возразил директор, положив руку на дверную ручку, – Ты еще не нашла ни одного покупателя! Так что эта продажа не считается твоей! И ничего сверх того, что тебе положено, ты не получишь! Ключи от домов лежат в моем столе. Отвечаешь за них головой. Если будут реальные покупатели – едешь и показываешь.

И потянулись голодные и мучительные «трудовые будни». Количество отзывов, обещавших мою преждевременную кончину и корпоратив по совместительству, выросло до двух.

Кто-то пустил слух, что в нашем агентстве действует бессрочная акция под названием «Купи особняк – получи человека в подарок!» Какой-то молодой упырь, пытался схватить меня за руку и куснуть со словами: «Тебе что? Жалко, что ли? Я же должен проверить товар на качество!». Обиженный и разозленный моей неуступчивостью он настроил жалобу. На четыре страницы.

– Да с таким подходом мы растеряем всех клиентов! – орал Ренель, швыряя на мой стол книгу жалоб, – Еще три жалобы и пеняй на себя!

– С таким подходом вы потеряете сотрудника! – возмутилась я из последних сил, понимая, что бессильна против этого произвола.

Я даже сходила на бесплатный прием к юристу. Тот поцыкал зубом и ответил, что дело – дрянь. И тут же побежал сосать что-то из фляги с характерным причмокиванием. Второй юрист сразу оценил мою платежеспособность и постановил, что заведомо проигрышными делами не занимается. Он достал книгу под названием «Трудовое право».

«Вампир имеет право на достойную оплату труда, не меньше прожиточного минимума, установленного в размере 2670 золотых».

«Вампир имеет право на досрочное расторжение контракта с работодателем в порядке, предусмотренным законом».

«Вампир имеет право подать в суд на работодателя, в случае, если видит, что его права нарушаются».

Вампир, а не человек. Так же у меня уточнили, если ли у меня документы, удостоверяющие личность. Документов, разумеется, не было. Поцыкав зубом, юрист указал мне на дверь.

Но была у меня еще одна проблема. Эта проблема пахла шоколадом и имела самые скорбные глаза на свете. Эта тварь с глазами цвета серого, дождливого дня навещала меня с периодичностью три раза в неделю. И всегда поздно вечером. И всегда в восемь часов. Он занимался тем, что медленно и маниакально выносил мне мозг. Основательно и последовательно этот упырь доводит меня до горячего желания лечь грудью на стол и признаться в своем бессилии.

– Здравствуйте! – поздоровалась я, выдавливая из себя фальшивую улыбку при виде знакомой массивной фигуры на пороге. Оставалось только поблагодарить маму с папой, перечис-

лить заслуги родных и друзей, а потом забрать свой Оскар и уйти со сцены, – Я как раз хотела Вам предложить интересный вариант. Как насчет...

Я взяла верхний альбом, пытаюсь отыскать что-нибудь, что он еще не разнес в пух и прах. – ...вот этого особняка. Выглядит он роскошно. Все ваши друзья проклянут тот день, когда вы его приобрели!

Я подала альбом с картинками роскошного особняка в венецианском стиле. Внутренняя отделка была выполнена в золоте, так что он выглядел очень презентабельно. Я старалась соблюдать дистанцию. Этот гость меня настораживал. Мне не нравилось, как он на меня смотрит.

Упырь медленно протянул руку, взял альбом, взглянул, и по его губам скользнула нехорошая улыбка.

– Сударыня, я надеюсь, что я вам не нравлюсь. Потому, что я вижу ваш вкус, и мне становится страшно, – ответил клиент, со вздохом глядя на вызолоченные стены, – У меня возникает такое чувство, что здесь раньше жила дружная семья вчерашних лавочников, которые внезапно разбогатели и решили прикупить недвижимость посолоднее, чем три комнатухи над собственным магазином. А когда их спросили, какую отделку делать в новом доме, они в один голос ответили: «Чтоб побогаче выглядело!», а потом добавили «И золотой краски не жалейте! У нас два ведра осталось. Мы вывеску недавно обновляли!».

Все это было сказано таким голосом, что ослик Иа с тяжким вздохом повесился на своем хвосте, не выдержав конкуренции.

Как только стрелка часов подходила к восьми я напряженным взглядом смотрела на дверь. Те дни, когда его не было, я смело могла называть праздничными. Как только дверь открывалась, я мысленно начинала искать место, куда можно спрятать свое тельце. Срок за убийство начинал казаться мне ерундовым, но я держалась. Тараканы в голове приумолкли. Очевидно, они так обессилили от столь плотного графика и неплотной еды, что даже у них не было сил возмущаться. Я дошла до состояния, когда иду на работу, как на праздник «со слезами на глазах».

– Вы чем-то серьезно больны, или это – ваш обычный вид? – поинтересовался гость, вместо приветствия, не сводя с меня взгляда.

Я стиснула зубы, понимая, что мне только что деликатно нахамили. Я полистала альбом и предложила особняк, с оббитыми красным бархатом, как гроб, стенами.

– Судя по интерьеру, который однозначно оставлять нельзя, здесь жила чья-то любовница. Мне последнее время три раза за ночь хочется только сходить покушать. И то, когда не спится, – заметил клиент, поднимая на меня свои скорбные глаза. Мой правый глаз начинал дрожать, а стиснутые зубы крошиться. Мне действительно хотелось швырнуть альбом ему в лицо, но меня останавливала жалобная книга, на которую он изредка бросал тоскливый взгляд. Он никогда никуда не спешил, вальяжно развалившись в кресло, лениво листая альбомы.

«Пятая планета была занята. На ней помещался этот упырь и наше агентство...» Было у меня такое впечатление, что при виде его фигуры, мелькнувшей на горизонте, наши конкуренты прикидываются мертвыми, закрывают дверь и сидят в темноте, в надежде, что их испуганное дыхание не будет слышно со стороны улицы. Бедные риелторы зажимают себе рты ладонями, чтобы ни в коем случае не выдать свое присутствие. Я уверена, что они даже изменили рабочий график. Я представила, как они с криком: «Господа, скоро восемь часов! Быстрее! Быстрее! Срочно эвакуируемся! Я закрываю дверь! Быстрее, чего копаешься? Сейчас этот придет...». «Этот» тоскливо смотрит на закрытую дверь и направляется куда? Правильно! К нам!

– А как на счет этой усадьбы в пригороде? – в очередной раз спросила я, понимая, что дело – дрянь. Предлагать ему что-то бессмысленно. Что бы я не предложила, все будет язвительно раскритиковано. При этом выражение его лица почти не менялось.

– Объясните мне, как можно уснуть в спальне, где на тебя смотрят сразу десяток глаз? Ладно, это были бы картины. Их можно снять и выбросить. Но не статуи, которые держат потолок! Вам хорошо спится, когда у вас стоят над душой? – поинтересовался упырь, демонстрируя мне вид спальни, где по центру стояла кровать, а вокруг нее столпились статуи.

Я промолчала, мысленно прикидывая, что я напишу в предсмертной записке.

– Словно родственники в ожидании наследства, они столпились над умирающим. Но в отличие от родственников эти стакан крови не поднесут, – со вздохом заметил упырь, закрывая альбом, – На такой кровати категорически можно только умирать. Чтобы создавалось впечатление, что тебя пришла проводить в загробный мир целая толпа.

На счет «стоит над душой» я промолчала. На меня еще и капает по ночам. Просыпаюсь, а у меня все одеяло мокрое. Бабушка, видите ли, днем отсыпается, а ночами бдит.

– Вы так и не сказали, что вы хотите! – в отчаянии воскликнула я, глядя на его по своему красивое лицо, – Я не умею читать ваши мысли! Может быть, вам замок подавай, с частоколом возле окон, со рвом, кишасим голодными пираньями и амбразурами вместо окон?

– А что? Такие есть? Вы меня заинтриговали, – оживился клиент, поправив трость. Запах черного шоколада и кофе действовал на мои вкусовые рецепторы, как красная тряпка на быка.

– Да нет! Я пошутила! Нет таких! Может, вы сначала определитесь, чего вы хотите, а потом придете, и мы все обсудим? – устало вздохнула я, понимая выражение «проблемный клиент». Мне хотелось биться головой об столешницу, закрыть голову руками и послать его куда подальше. Я иногда закатывала глаза, молясь Богу, чтобы этот гость забыл сюда дорогу! Господи, какой же с ним тяжело! За что мне такое наказание? Мне и так хочется кричать от отчаяния, а тут мне еще нервы на кулак наматывают, причем спокойно и абсолютно безжалостно. Что ему от меня нужно? Не нравится недвижимость? Дверь там! Иди, мучай кого-нибудь другого!

– «Риелтор» – это просто ваше призвание. С таким подходом у вас наверняка нет отбоя от покупателей? – мрачно заметил гость, положив альбом на место, – Надо отдать вам должное. Так деликатно меня еще никогда не выпроваживали за дверь. Я так понимаю, что отвлекаю вас от чего – то более важного, чем ваша непосредственная работа. Прискорбно.

Я тоскливо взглянула на книгу жалоб. Одной больше – одной меньше. Какая разница? Все равно я долго в таком ритме на кошачьих звездочках не протяну. Не дай бог моему директору взбредет в голову попробовать разнообразить мое меню козыми шариками, тогда я точно предпочту голодную смерть! Уж лучше – куриные кубики. Я вдохнула, выдохнула, сжала «кукиш» в кармане, напряглась и снова выдала дежурную улыбку.

– Я не выпроваживаю вас за дверь. Я просто пытаюсь понять, что вы ищете! А вы не можете даже приблизительно это описать! Я с радостью помогла бы вам найти дом вашей мечты, но, увы, я просто теряюсь в догадках! – максимально вежливо ответила я, глотая слюни. Я пожалела, что не работаю в туристической фирме. Я уже мысленно проложила этой гадине такой маршрут, что Тур Хейердал присвистнул от зависти.

– Если я не могу понадеяться на ваш вкус, то придется, как обычно, полагаться на свой. Я планирую завтра в двенадцать часов по полудню, посмотреть вот загородный дом. Тридцать шестая страница в сером каталоге. Завтра в первой половине дня, к вам заедет мое доверенное лицо. Я дал вам его визитку. Его зовут Анри Лоис. Он внесет задаток. Я еще не знаю, что выберу, но, думаю, чтобы показать серьезность моих намерений, мне стоит внести деньги. Возможно, тогда вы будете более заинтересованы в том, чтобы найти для меня приемлемый вариант. А пока не вижу заинтересованности в Ваших глазах. Договор задатка оформляйте на Лоиса во избежание юридических коллизий и последующих скандалов с разбирательствами, которыми славится агентство «Кровавые узы», – заметил хриловатым голосом мой клыкастый собеседник, отводя от меня взгляд и глядя куда-то в сторону папок.

– Юридических коллизий? – переспросила я, немного не понимая о чем это он.

– Я забыл, что вы работаете недавно. Скажу так, мне больше всего на свете не хочется принимать активное участие в грязных разбирательствах, без которых здесь не обходится ни одна сделка. И более того, я не хочу, чтобы мое имя не сходило с первых страниц новостей именно в таком контексте. Я предпочитаю сначала оформить недвижимость на доверенное лицо, проверить все основательно, а уже потом переписывать ее на себя. Всего хорошего, – ответил упырь и чуть прихрамывающей походкой удалился за дверь.

Глава шестая. Большое человеческое спасибо!

На следующий день я уже едва шевелила ногами и мозгами. Лапша в меня уже не лезла. Ой, чую, недолго мне осталось. В десять часов подъехал какой-то пожилой, нервный упырь, отрекомендовавшийся Лоисом, принес деньги, внимательно прочитал договор и... поднял такой скандал, которому позавидовала бы базарная торговка. Голос у него был настолько визгливый и громкий, что если бы он работал адвокатом, то я бы с удовольствием наняла его для защиты какого-то серийного маньяка-убийцы. Лоис бы сумел перекричать не только судью и прокурора, но и целую демонстрацию возмущенных родственников жертв, собравшихся на суд Линча под стенами дворца правосудия.

– Ваш договор – это полный бред! – размахивая свернутыми в трубочку бумагами, словно рыцарь мечом, заявил юрист, тыкая его мне в лицо. Я отпрянула.

– Что значит «окончательная цена на недвижимость может измениться»? Вы кого пытаетесь обмануть? – орал юрист, цыкая зубом, – То есть, сегодня я приобретаю недвижимость, а завтра меня просят доплатить? По закону, если я вношу залог, то цена должна остаться неизменной! Для этого и вносится залог! Учите законы!

«И они доплатили еще... И еще... И еще...» – вздохнул Трус в моей голове, сочувствуя нашим покупателям.

– Простите, но я – риелтор, а за договора отвечает Лемира! – сразу перевела стрелки я, чувствуя небывалый прилив оставшихся силенок, в ожидании моральной экзекуции кого угодно, но только не меня. «Я душу дьяволу продам за бутерброд...» – обессиленно пропели тараканы, шевеля усами из последних сил. Юрист быстро метнулся к столу Лемиры.

– А это что значит? Что означает формулировка «в случае объявления наследников все вопросы решаются в судебном порядке»? Это – ваша прямая обязанность проверить наличие наследников! Требуйте документы у тех, кто продает! Пусть несут завещание! Я пока не увижу нотариально заверенной копии завещания, я у вас ни горсти земли не куплю! – он тыкал листы в лицо ошарашенной упырицы. Лемира моргала глазами и протирала очки, пытаясь вставить хоть слово в свою защиту. Стоило ей попытаться открыть рот, как юрист начинал орать с утренней силой. Он вспотел, покраснел, но все никак не унимался. Мне казалось, что в окнах дрожат стекла, а стол подо мной вибрирует.

Пока юрист махал договором перед очками Лемиры, а она махала руками в ответ, пытаясь доказать свою правоту, у меня сложилось впечатление, что они ловят комара. Или отгоняют мух от толстолобика... Толстолобик... Ммм... Жареный толстолобик...

В итоге сошлись на том, что договор будет исправлен и переписан. Лемира, цыкая в мою сторону зубом, села переписывать договор. Я с наслаждением смотрела, как она стенографирует каллиграфическим почерком новые формулировки, но в душе понимала, что этот номер мне с рук не сойдет. Юрист ушел в таком состоянии, что на него должен был упасть первый попавшийся балкон, а случайно выпавший из окна кирпич должен был довершить дело, начатое балконом.

Вопрос с договором «задатка» решили, а меня за это чуть не порешили.

– Ренель тебя убьет! Ты где такого клиента нашла? – орала Лемира, брызгая слюной, отхлебывая кровь из кружки, – Ишь ты, какой грамотный!

– В том же гробу, где и моя зарплата! – огрызнулась я, чувствуя, что силы мои уже на исходе. Мне срочно требуется инъекция супа! Срочно! И таблетки от голода. Желательно мясные.

Деда тем временем прорвало. Он рассказывал о том, сколько шей в молодости прокусил. Причем, судя по его рассказам, кусал он исключительно девственниц. А потом деда окончательно понесло, и он стал пересказывать «Дракулу» Брема Стокера, несколько расширив

постельные сцены и количество укушенных девушек. В его список попали и Мина, и Нина, и Дина, и Лина, и Рина. Перечень сосательных побед не исчерпывался этими барышнями. Исходя из его послужного списка, местный Дракула перекусал половину Лондона. На самом интересном месте, когда английская королева уже подставляла ему свою шею и умоляла соснуть, дед сам соснул, причмокивая и прижимая челюсть к груди, в надежде, что она еще когда-нибудь ему пригодится.

– Еще бы, – ехидно заметила Брисса, собирая вещи, – Пенсию получает по потере клыков, отчего бы не поспать на работе?

– Ой, только не рассказывай, что живешь на одну зарплату! – возмутилась Лемира, припудривая свой нос, – У тебя муж неплохо зарабатывает, а ты сюда ходишь ради стажа.

– Кто бы говорил! – едко парировала Брисса, поправляя макияж и рассматривая свои клыки в карманное зеркальце, – У самой муж в Магистрате работает, отчего бы и не посидеть! Кстати, сегодня зарплата. Интересно, Ренель даст денег или опять сольется?

– Есть у меня подозрение, что сольется. В канун зарплаты он неделями в офисе не появляется! – усмехнулась Лемира и тоже куда-то засобиравшись, – Знаешь, как он последнюю зарплату мне выдавал? Протягивает мешочек, я его беру, а он пальцы не разжимает. Я тяну мешочек на себя, а Ренель его не отпускает. Да ему проще руку по локоть отгрызть себе, чем заплатить сотрудникам! Ладно, хватит с меня этого юриста. Мне кровь с молоком за вредность должны давать! А за сегодняшнее терпение еще и премию! В размере половины оклада!

– Ага, жди! – ответила Брисса, закрывая свой блабук с гаденькой улыбкой.

Они похихикали и направились к выходу. Я почувствовала духовное родство с мебелью.

– Тебе в какую сторону? – последнее, что услышала я, перед тем, как захлопнулась дверь.

Я ответила на три письма, присланных на мою почту, в очередной раз проклиная тот день, когда меня занесла сюда нелегкая.

«А что я могу купить у вас за 100 000 золотых?» – звучал наивный вопрос.

«Кусочек клумбы на центральной площади» – ответила я, стараясь писать как можно разборчивей.

«А почему у вас земля? Просто мы подумываем купить земельки! Но мы пока только думаем... Кстати, скидки у вас есть?» – интересовался какой-то «покупатель».

«Конечно, есть. Каждая вторая горсть за полцены!» – написала я, понимая, что покупать у меня ничего не собираются. Просто прицениваются из праздного любопытства.

«А че так дорого?????!» – поинтересовался один «покупатель», узнав стоимость самого дешевого участка.

«Так ведь Родину продаем!» – написала я, выдыхая. Не знаю, кому Ренель раздавал мои визитки, но есть у меня такое чувство, что всем подряд.

Тараканы в голове затянули унылую песню «Штиль», в исполнении Арии. «Смерть, одного лишь нужна! И мы, мы вернемся домой!» – выводили они, чтобы подбодрить меня. Спасибо, ребята. Помогло.

Я взглянула на дверь директорского кабинета, пошатываясь от слабости, открыла ее и полезла в стол в поисках нужных ключей. Мешок с кошачьим кормом исчез, но запах остался, обрекая мой желудок на невыносимые страдания. Долго роясь среди всякого мусора и ключей, я обнаружила какую-то старую связку, сверилась с номером в каталоге, помолилась богу, чтобы это были они, и упала за свой стол, положив голову на руки. Сейчас немного отдохну перед поездкой, наберусь сил и нервов...

Часы пробили полдень. За окном было так же сумрачно, как и всегда. Городские улицы шумели. «Кровь на розлив!» – орал кто-то. «Почем?» – спрашивали его. «Без боярышника, надеюсь?» – интересовался какой-то женский голос.

Дверь открылась и на пороге появилась знакомая фигура. Я с видом усталой обреченности, бросив взгляд на спящего деда, проверив наличие карты и ключей, двинулась в сторону черной кареты, стоящей неподалеку.

Мягкие, оббитые черным бархатом сиденья дали мне возможность немного расслабиться. Я откинулась на спинку и стала провожать туманным взглядом сумрачные городские пейзажи.

Мой спутник сначала молча смотрел в окно, а потом достал красивую черную книгу и стал писать. Я обратила внимание, что пишет он левой рукой. Карета стала подпрыгивать, упырь тихо выругался, отложил блабук и мрачно уставился в окно, подложив кулак по щеку.

– Вот, дрянь, – вздохнул он, швыряя ручку на сидение и потерев переносицу.

– Может, выберемся на дорогу? – мило улыбаясь, поинтересовалась я.

– Мы и так на дороге, – процедил упырь, закидывая нога на ногу.

– У вас тоже кладут дороги из расчета на то, чтобы потенциальные оккупанты застряли на подступах? – вздохнула я, чувствуя себя, как на ковбой на родео. Я вцепилась руками в дверцу, в надежде, что она не откроется.

– Пусть Магистрат разбирается, – заметил упырь, бросив в мою сторону тяжелый взгляд.

– Ага, так прямо и побежали! Пусть фюрст лично займется этим вопросом. Возьмет лопату и займется. Вы как-нибудь пригласите его к себе в гости. Пусть прямо перед его каретой прокладывают дорогу, – предложила я очень действенную, проверенную годами в нашем мире, систему капитального ремонта дорог.

– Еще чего! – бросил упырь, – Еще скажите, что его пора на кол посадить! Хотя кол – это слишком мягко... Он заслуживает худшего, чем обычная смерть.

– О! Смотрю, вы в оппозиции, – усмехнулась я, отслеживая глазами унылые пейзажи.

– Да, я его ненавижу. Судя по тому, что о нем говорят другие – я не один. Взять любого вампира, так он гораздо лучше разбирается в политике, нежели фюрст Криора, – заметил упырь, уставившись в окно.

– А здесь дорога вообще по проекту положена? Или мы прокладываем новую? – возмутилась я, чувствуя, что сейчас оторву ручку у двери.

На меня посмотрели, как на врага народа.

– Не переживайте. Это очень удобно. Каждое утро вместо зарядки садитесь в карету и вперед, покорять столицу, – съехидничала я, гаденько улыбаясь, – Того и глядишь в карете растрясет так, что придаст заряд бодрости на весь день.

Взгляд уже прожег во мне дыру.

– Да ладно, это была ваша идея поехать именно сюда! Как вы сказали? Чтобы гости прокляли тот день, когда вы приобрели недвижимость? Они проедут половину пути, вздохнут, выковыривая колесо из ямы, плюнут на все и напишут вам письмо с извинениями! Вам главное усиленно молится, чтобы дождь пошел, – продолжала я, наслаждаясь сладкой мезью. Нет, ну не мне же жить здесь! Сам выбрал, пусть мучается. Я предлагала ему недвижимость в черте города. Почему выбор пал на пригород, я не знаю.

– Не травите мне душу. И так тошно... – заметил упырь, глядя в окно, – А теперь, будьте так любезны помолчать. Поберегите свое красноречие. Оно вам еще пригодится.

Мы ехали примерно полчаса. Я поняла, что мы подъехали, когда мучительная тряска прекратилась. На ватных ногах я встала с места. Меня мутило, и я все еще мысленно считала ухабы. Мой спутник вышел первым и... подал мне руку. Этот жест меня немного удивил и сильно обескуражил.

– Нет, спасибо, я сама... – промямлила я, смущаясь.

– Умеете вы ставить мужчин в неловкое положение, – заметил упырь, убирая руку, – Стоять с протянутой рукой – сомнительное удовольствие. Ну что ж, не хотите, как хотите. Учтите, я очень злопамятный.

– Чем же Вас так жизнь-то обидела? – поинтересовалась я, самостоятельно выбираясь из кареты. Вопрос оказался риторическим. Смерив меня скорбным взглядом, он пропустил его мимо ушей.

Поместье выглядело вполне презентабельно. Не открытка, но и не графские развалины. Я посмотрела на ржавую калитку, которую мне предстояло открыть. Достав ключ, я стала возиться с замком. Сняв его и вытерев руки от ржавчины о ближайшую растительность, я распахнула ее с душераздирающим скрипом. Мы вошли в мрачноватый парк. Половина растений засохла, другая половина разрослась. Я вопросительно взглянула на «проблемного клиента».

– Сударыня, я слишком хорошо воспитан, чтобы выражать свое мнимое восхищение односложным восклицанием, – вздохнул мой спутник, убирая тростью с дороги какую-то поросль, – Судя по запаху, здесь что-то недавно сдохло и явно не от восторга. Вы точно никого сюда до меня не возили?

Я шла следом за ним, глядя на его чуть прихрамывающую походку, и радовалась, что в случае нападения я успею убежать. И фиг он меня догонит. Хотя, Ренель своим питанием почти уравнивал наши шансы.

– Открывайте, – приказал клиент, уступая мне место у замка. Я ковыряла, его, как начинающий взломщик, прикидывая, на сколько оборотов он вообще закрыт. Промучившись минут пять, чувствуя себя крайне неловко, я попыталась вытащить ключ обратно. Я посмотрела на упыря, который, не скрывая садистского удовольствия в печальных глазах, наслаждался тем, с каким маниакальным усердием я мучаю несчастный замок.

– Я обещал, что вам припомню? Так вот, припоминаю. У вас неплохо получается, продолжайте в том же духе, – участливо заметил он, глядя, как я дергаю ключ, – Сломаете ключ – полезете в окно.

– А вы постоите на стреме, – огрызнулась я, пытаюсь изо всех сил выдернуть ключ, – Свистеть умеете? Если что – свистнете!

Я ковырялась еще минут пять, потом засучила рукава и стала отчаянно вертеть ключом! Есть! Пусть выкусит! Я открыла замок! Один ноль в пользу Лены.

Мы вошли внутрь. Вся мебель была накрыта белыми чехлами. Роскошная лестница вела наверх, блестя лакированными перилами. Внутри почему – то было куда прохладней, чем снаружи. Воздух казался спертым и затхлым.

– Я пока осмотрю дом сам. Обойдусь без ваших едких комментариев, сударыня, – мрачно предупредил клиент. А как же «побереги красноречие»? Я так не играю!

Пока он поднимался по лестнице, положив руку в перчатке на перила, я стояла внизу. Да, в таком зале спокойно можно проводить митинг и партсобрание. От нечего делать я стала искать, куда бы присесть.

Отбросив первый попавшийся чехол, я увидела массивный обеденный стол, отбросив второй, я с удивлением обнаружила черный рояль с банкеткой. Осмотревшись по сторонам, я подняла крышку. Пожелтевшие от времени клавиши смотрели на меня, намекая, мол, держай. Доставить себе маленькое удовольствие? На фоне тотальной безнадеги? А вдруг больше никогда не представится возможности немного поиграть? Семь лет мои соседи слушали хорошую музыку в плохом исполнении. Их желания никто не спрашивал. Первыми мою идею заняться музыкой прокляли грузчики, пока тащили фортепиано «Отрада» на восьмой этаж. Потом наступила очередь соседей. Они всегда вежливо интересовались у моей мамы моими музыкальными успехами, и когда она говорила, что я подаю большие надежды и ни в коем случае бросать не собираюсь, они почему-то сильно грустнели.

Я присела на оббитую красным бархатом банкетку, проверила правой ногой педаль. Работает. Правда, со скрипом, но все же. Эх! Вспомнить бы, как это делается... Мне что? Зря семь лет мне стучали по батарее? Со мной разве зря перестали здороваться соседи? Я положила пальцы на клавиши и стала вспоминать. Этюды, гаммы, Бетховен «К Элизе». Ми – ре диез

— ми ре диез— ми— си ре до ля... Левая рука подхватила. Я стала со скрипом наживать на педаль, подаваясь вперед. Академический концерт в пятом классе. Сидит комиссия в тужурках, стучит зубами, как метроном, и я дрожащими руками играю на рояле в концертном платье поверх свитера. Холодно, зубы стучат, отопление так и не починили, а я играю. А черт! Руки помнят, правда, дрожат как на экзамене. Из варезек сразу на клавиши. Ми западает. Ля глуховато. Педаль скрипит. Еще два такта и все... Последнюю ноту нажал кончик трости. Я даже вздрогнула от неожиданности. «Клиент подкрался незаметно!» – заметили тараканы.

– Отвратительно, – постановил упырь, убирая трость с клавиш.

– Я играла для себя, а не для вас, – холодно заметила я, закрывая крышку.

– Но слушать этот ужас пришлось мне, – заметил клиент, – Есть те, которым дано, есть те, которым не дано. Так вот, вам не дано. И даже не спорьте.

– А мне плевать дано мне или не дано. Я играю для себя. Я получаю от этого удовольствие! – возмутилась я, глядя на белоснежные складки пыльной ткани.

– Вам доставляет удовольствие издеваться над другими? – скривился упырь.

– Да, я, так же как и вы получаю от этого искреннее, ни с чем несравнимое удовольствие! – ответила я, убирая ногу с педали.

Зачехлив рояль, я встала и почувствовала себя дурно. Перед глазами все вертелось с бешеной скоростью, к горлу подступила тошнота. Нет, только не в обморок! Дышим глубоко, вдох-выдох. Я стиснула зубы, сделала два шага и поняла, что все. «Сыграть Бетховена и умереть!» – вздохнули тараканы, провожая меня в последний путь. «Недоеденную пачку доширака я завещаю... Если таковая осталась...» – успела подумать я, делая усилие и опираясь рукой на крышку стола. «Может, в будущем, мы разбогатеем. Рояль себе купим!» – подумалось мне. Но что-то подсказывало, чтобы я долгосрочных планов не строила.

Клиент уже дошел до двери, а я, стиснув зубы, пошла следом. Такое ощущение, что во рту ночевали и усиленно гадили все кошки района. Я несколько раз сильно зевнула и почувствовала, что мушки перед глазами собрались в целый рой.

Очнулась я, лежа на софе. Ощущение было, мягко говоря, отвратительное. Воротник был расстегнут, и я попыталась пальцами проверить наличие – отсутствие укусов. Нет, шея была чистой. Я провела рукой по груди и поняла, что серебряной цепочки нигде нет.

– Итак, вопрос первый, что это было? – раздался хриплый голос.

Я промолчала. Мой желудок заурчал. Фу! Как стыдно.

– Пока вы не ответите мне на мои вопросы, я не отдам вам ваш медальон. Хорошо, переходим ко второму вопросу. Когда вы в последний раз видели еду? – спросил меня голос, вызывающий у меня внутреннее содрогание.

– А вам какая разница? – простонала я, пытаясь встать. Я что? Девушка по вызову, которая должна рассказывать каждому клиенту, как она докатилась до такой жизни? Не дождется. Кто он такой, чтобы я тут душевный стриптиз показывала?

– Отвечайте на поставленный мною вопрос! – процедил голос.

– Во сне, – хрипло ответила я, сглатывая и зевая, – Вы интересуетесь с целью поиздеваться? Я не хочу выслушивать ваши колкости и едкости по этому поводу.

– Плохой ответ. Попробуем так. Когда вас в последний раз кормили? – прозвучал голос. Допрос с пристрастием продолжался.

Из него бы получился хороший следователь. Просто отличный.

Я стиснула зубы. Я не собираюсь рассказывать какому-то постороннему о своих проблемах. Не буду же я приставать к каждому клиенту с фразой: «Месье, же не манж па сис жур»? Хватит, нервы он мне и так знатно потрепал.

– Молчишь? Тогда – счастливо оставаться! Дверь закроешь сама, – заметил упырь, переходя на «ты» и поднимаясь с кресла. Мне на грудь упал медальон.

«Районы-кварталы, жилые массивы. Я ухожу, ухожу красиво!» – помахали ему тараканы.

Я поморщилась и предложила им «Прощание славянки». Тараканы достали белые платочки и стали махать ему на прощание, утирая слезы. Правда, некоторые из них махали платочками, как белым флагом, но они быстро получили по голове от своих более гордых собратьев.

Упырь двинулся в сторону выхода. В дверях он остановился. Кончик трости ударил о пол.

– Уходя – уходи, – заметила я, пытаясь подняться и сесть, – Ах да, ключи заберите и отдайте Ренелю с моими наилучшими пожеланиями! Кол ему в сердце, чеснок в рот. Постарайтесь не перепутать. Хотя, если перепутаете, ничего страшного. Я не обижусь.

И тут до меня начало доходить. Обычно упыри, стоило им попытаться ко мне дотронуться, отлетали к стенке, а это мало того, что спокойно держит амулет, так еще и умудрился дотащить меня до софы.

– Вы продолжаете насиловать мое терпение и пытаться мое самообладание? – заметил упырь, стоя ко мне спиной.

– Велика честь, – буркнул я, чувствуя, что в пустом желудке явно ночевал бомж.

– Да, ваша смерть была бы пятном на моей репутации, – заметил упырь, все никак не распрощаясь, – Хотя, я ведь покупаю недвижимость не на свое имя. Счастливо оставаться. Было неприятно с вами работать.

– Взаимно, – выдохнула я, – Прощайте.

Меня только что интеллигентно послали. А когда меня посылают «на...», я обычно меняю маршрут и иду на принцип.

Как же мне дорог этот мир и все его многочисленное кровососущее население! Этот упырь – всем упырям упырь. Те хоть просто кровь сосут, а это еще и мои нервы на кулак наматывает. Причем делает это с таким наслаждением, словно я виновата во всех его проблемах. Молодец! Нашел крайнюю.

Дверь за ним закрылась, и я осталась в гордом одиночестве. Немного оклемавшись после пережитого, я прикинула, что делать дальше. У меня есть карта. Если надо, то попробую добраться домой. При условии, что по дороге не сожрут. Хотя, судя по моему голоду, я сама съем любого упыря. Не знаю, как на счет «съем», но куснуть попытаюсь. Интересно, это будет считаться каннибализмом? Ладно, шутки в сторону. Это сколько примерно мы ехали? Полчаса? Полчаса – это примерно полдня ходьбы. Надо просто набраться сил, а потом повторить подвиг Ломоносова.

«А если ты не дойдешь, если в пути пропадешь?» – заволновались тараканы. «Борщ дома в холодильнике уже пропал! Кроме борща меня никто дома не ждет!» – вздохнула я, вспоминая кастрюлю на второй полке.

Я встала и, пошатываясь, открыла крышку рояля. Руки дрожали, ноги прогибались. Я положила правую руку на клавиши и сыграла начало «Органной токкаты и фуги ре минор». В глубине души мне было немного обидно, что похоронный марш я так и не разучила. Звук был слабым, сил давить на клавиши не было.

Я немного поиграла и снова легла на софу. «Где бы еще по сусекам поскрести и силенок нагрести?» – подумала я, закрывая глаза.

Очнулась я, от того, что в зале было темно. Сквозь огромные окна в помещение втекал ночной сумрак.

Я поднялась на локте и увидела стоящий возле софы столик с едой. Я протерла глаза, убедившись, что я действительно проснулась. Картофельное пюре, большой кусок мяса, салаты и сок. Рядом с тарелкой лежала вилка. Я попробовала пюре. Нет, вроде настоящее. Я стала медленно кушать. Желудок вопросительно заурчал. В меня влезла лишь половина тарелки. Остальное я завернула с собой. Чай, не каждый день, кормят. Я полежала немного, переварила, а потом вышла на улицу.

«У дома стояла карета, там грязная ссора была, и бедный, несчастный риелтор, едва ли осталась жива!» – пропели тараканы, сочиняя на ходу. «Прорвемся!» – заметил самый немзыкальный таракан.

На козлах дремал кучер. Услышав скрип двери, он оживился, цыкнул и сообщил, что доставит меня домой. Я вздохнула, молча закрыла дверь и калитку. Забираясь в пустую карету, я откинулась на сидении и уснула.

Над ухом раздалось цыканье. Я открыла глаза.

– Где вы живете? – спросил кучер, – Мне сказали довести вас до офиса, но он закрыт.

– Благодарю. Я тут недалеко, – выдохнула я, не забывая завернутый в тряпку тормозок. Я уже собралась уходить, как тут же меня начала мучить совесть.

– Передайте: «Большое человеческое спасибо»! – вздохнула я, чувствуя, как мои уши горят от стыда. Надеюсь, что я больше никогда не увижу своего проблемного клиента. Очень на это надеюсь. Мне так стыдно перед ним. И так неловко.

Глава седьмая. Человек вампиру – друг. Это знают все вокруг!

Я только что вернулась со смотрин. Очередная семейка упырей, где наследник получился с восьмой попытки, присматривала себе дом. Как обычно их «хотелки» не совпадали с «можем себе позволить, даже если продадим последние штаны». Многодетная семья присмотрела себе дом на окраине. Дверь открылась не сразу, но мучиться с замком долго не пришлось.

– Открывайте! – цыкнул глава семейства. И рванул дверь на себя. Это было невыносимо. В прямом смысле этого слова. Вынести все не успели. И судя по всему, даже не собирались.

Далеко пройти мы не смогли. Прямо вдоль стен и на полу в центре холла возвышались горы всякого хлама. От банок-склянок до каких-то тряпок, дощечек, старых горшков, сломанных игрушек. Возле двери стояло прислоненное колесо от кареты, а в рядом лежал целый курган сломанной мебели. Я чуть не споткнулась о старую корзину и не упала на пыльную детскую коляску.

– Мама! Смотри, что я нашла! – орала одна из упыриц, вытаскивая безголовую фарфоровую куклу в порванном платье, – Ее будут звать Клотильда!

– Нет! Ее будут звать Анабель! – заорала вторая, пытаясь вырвать останки куклы из рук сестры.

– Дюлнан! Отдай мне мою Дюлнан! – орала третья. Остальные молча подключились к битве. Куклу тянули в разные стороны, кусаясь и царапаясь. Визг стоял такой, что хотелось закрыть уши.

Все это напоминало гараж, который передается по наследству или советскую лоджию. Все что нажито было непосильным трудом целыми поколениями потомственных собирателей, умещалось здесь. Бесценные сокровища, выбросить которые не поднялась ни одна рука, мирно ждали нового Плюшкина, сердце которого замрет от восторга при виде всего этого добра.

Я взяла себя в руки и авторитетно заявила, пытаясь переорать рыдающих упыриц, сломавших куклу окончательно, что при покупке дома – вещи в подарок. И вообще – продажа барахла – отличный семейный бизнес. Мало ли, кому нужен треснутый горшок? Или запаска для кареты? Пока я рисовала приблизительный бизнес план, огромная куча в три человеческих роста поехала вниз. Единственный и многострадальный наследник решил вытянуть какую-то палку. Среагировать никто не успел. Минут пять мы усиленно откапывали, как спасатели из-под завалов, внезапно умолкнувшего упыренка. Спасло кровососика только то, что ему на голову слетел металлический горшок сомнительной чистоты. Еще минут пять мы снимали горшок с его головы.

– Ты могла бы прибраться! – орал Ренель, забежав в офис и прочитав третий отзыв, – Мой предыдущий риелтор даже двери красил перед приходом покупателей!

– Ага, и занавески стирал и полы мыл. Он получал за это деньги. А вы мне еще ни копейки не заплатили! Так что, не надо мне указывать, что мне нужно делать, – злобно ответила я, вставая с места.

– Сегодня – без ужина! – возмутился Ренель моей наглости.

– Да ради Бога! Подавись ты своей лапшой! Пока ты не будешь платить сотрудникам зарплату, на тебя никто работать не будет! – крикнула я, садясь на стул.

Дверь за ним с грохотом закрылась. Да! Полегчало. Ничего, теперь немного проще. В плане еды, я от начальника больше не завишу. А все почему? Потому, что каждый день в восемь ноль-ноль на пороге стоит посыльный с гуманитарной помощью. Откуда, правда, ее берут, я не знаю. Но судя по этикеткам некоторых продуктов, явно в нашем мире. Я так понимаю, что некоторые вампиры, имеют карточку в круглосуточном гипермаркете. Буквально вчера

я с наслаждением вылавливала маслины из банки, а потом радовалась, как ребенок колбасе, которую жевала, не отрезая. Отгрызая кусок сыровяла, я философски размышляла о том, что мир не без добрых людей. Каким бы циником не казался этот упырь, умереть с голоду он мне не дал. По гроб жизни обязана. Недавно я написала Анри Лоису, относительно того, что мне не платят зарплату. Он мне пока не ответил. Но я жду его письма с нетерпением. С первой же зарплаты я планирую отдать деньги за еду и снять жилье попримитивней.

Прошло двадцать минут. Дверь открылась, и на пороге появилась толпа. Вошедшие были одеты в черные балахоны с красными воротниками. Выглядели они, надо сказать, очень зловеще. На груди каждого висел камень в форме застывшей капли крови. Лица у них были, как у мормонов, решивших мимоходом казнить первую попавшуюся под описание ведьму.

– Церковь братской крови приветствует вас, младшая сестра! Добра, любви и мира вашему дому! – заявил седовласый упырь, прижимая к груди какие-то брошюры, – Мы приглашаем вас в наш зал молитв! Наша церковь кроварианцев считает людей нашими младшими братьями, к которым нужно относиться с уважением.

Брошюрки опустили на столик с альбомами. Надо же! Первые вампиры, которые считают, что «человек вампиру – друг!». Я даже заинтересовалась.

– Приходите к нам на службу, – авторитетно произнес священник, а кто-то из молчаливой паствы громко цыкнул зубом.

– Как некультурно, Давид, – заметил священник, – Извинись перед сестрой нашей меньшей.

– Простите, сестра наша меньшая! – смиренно произнес Давид, сжимая в руке свой символ веры. Дверь за ними закрылась. Что это было?

Я подошла и взяла наглядный материал. На обложке был нарисован вампир, обнимающий человека. Если улыбка у вампира была жизнерадостной, как у только что отобедавшего бультерьера, то человеку было явно не очень комфортно. Его улыбка напоминала молчаливый крик о помощи. Я открыла первую страницу «И кровью единой повязаны мы, и кровью единой скреплены наши узы. Каждый раз, когда мы вкушаем кровь, мы должны благодарить человека за пищу, ниспосланную нам». Начало жизнеутверждающее. На первой странице была нарисована улыбчивая семья вампиров, облепивших сардонически улыбающегося человека. «Они ничем не уступают нам. Они такие же, как и мы. Они делятся с нами самым сокровенным». Вторая страница представляла собой единое рукопожатие. Бледная вампирская рука сжимала загорелую человеческую руку. «Все мы братья и сестры! Нас создала природа, ради того, чтобы мы жили в мире и согласии!». Третья страница напоминала постер к фильму «Техасская резня бензопилой». Кровь стекала и складывалась в буквы. «Нет ничего лучше добровольно отданной крови! Добровольно отданная кровь – есть залог любви!». Я листала брошюрку дальше. Она становилась все мрачнее и мрачнее. На картинках стали преобладать черные тона, а улыбки упырей становились все более и более жуткими. «Любая кровь считается отданной добровольно, если человек не успел убежать!». Ну, правильно. Кто не спрятался, я не виноват. Апогеем религиозного кровососания стала фраза, после которой я решила твердо, что ноги моей не будет в этой обители «дружбы». «Пейте больше добровольно отданной крови. Именно так мы можем выразить свою любовь и уважение к братьям и сестрам нашим меньшим! Через их мучение исходит всеобщее очищение!».

Я – человек с высшим образованием отношусь к «братьям и сестрам нашим меньшим»? Здорово. Отлично. Превосходно. Сейчас, одну секунду, ногой за ухом почешусь, блоху зубами поймаю... Как сказал один мой знакомый, я слишком хорошо воспитана, чтобы выразить свое мнимое восхищение односложным некультурным восклицанием.

В дверь вошла улыбчивая вампирша, увидев меня с буклетом, она бросилась ко мне и вырвала их у меня из рук:

– Выбросьте эту гадость! Они еретики! Даже не думайте вступать туда! – заорала она.

Я была немного обескуражена, глядя на то, с каким удовольствием она уничтожает эти религиозные тексты и бросает на пол обрывки.

– Простите, вы хотите приобрести недвижимость? – поинтересовалась я, осторожно делая шаг назад.

– Да, мы подумываем приобрести большой особняк, чтобы переоборудовать его в молитвенный зал! Я поговорю с главой нашей церкви, чтобы он обратился к вам. Кстати... Вы верите в кровососедство? Я – кровососед каждого дня! – произнесла упырица, цыкая зубом, – Давайте я расскажу вам о «кровососедстве»?

На стол легла красная брошюрка с сердечком, из которого капает кровушка.

– Спасибо, я кровотеист! – выдохнула я, открывая входную дверь и намекая, что никуда вступать не собираюсь. Худшее, куда я могла вступить, я уже вступила.

Все основные постулаты «кровососедства» можно было изложить одной фразой: «Соси и кайся!» То есть сосать кровь – это греховно, однако если после этого оплакать своего несчастного донора – кормильца, то грех будет искуплен. Поели – поплакали крокодилскими слезами и снова поели. Жизнь удалась.

В пять часов заглянул какой-то упырь и сунул мне в руку листовку. На листовке была изображена пара, очень смахивающая на героев «Сумерек» и красовался лозунг: «*Пейте кровь животных!*». Я, конечно, помню, что «бедная овечка» полюбила «льва-мазохиста», но чтобы настолько буквально... Короче, для кого – то «Сумерки» – кулинарная книга.

«Мы бедные овечки, никто нас не сосет! Мы таем словно свечи, кто же нас спасет?» – пропел Трус. Остальные тараканы взглянули на него очень нехорошими взглядами. Я молча дописала на бумажке, прикрепленной к моему столу «я – кровотеист!».

Часы пробили восемь. Я осторожно взглянула на дверь. Никого. Обиделся, наверное. Фух... А то встреча обещает много незабываемых, как первый поход к стоматологу, впечат...

Дверь открылась. На пороге появилась знакомая фигура. Вальяжно раскинувшись в кресле, он швырнул на стол какую-то брошюру.

– И вы туда же? – вяло поинтересовалась я вместо приветствия.

– Это было вложено в дверь, – мрачно бросил упырь. На брошюре значилось «SOS! Причащение кровью еще живой жертвы – путь к покаянию и просветлению!».

Повисла неловкая пауза.

– Итак, на чем мы остановились в прошлый раз? – спросил упырь, доставая первый попавшийся альбом, – Вы не помните?

– Мы остановились на «большом человеческом спасибо»! – вздохнула я, присаживаясь рядом. Он промолчал, равнодушно перелистывая страницы.

– Простите, а как вас зовут? – поинтересовалась я, глядя на его профиль. Честно, мне было как-то неловко перед ним. Кормить меня в его обязанности явно не входит.

– Абель, – ответил моральный садист, листая каталоги, – Итак, я мысленно уже приготовился к худшему, осталось только выбрать к чему... Хм... Как на счет вот этой усадьбы? Кладка позорная, колонны – пошловаты, статуи в саду выглядят отвратительно, словно их делал слепой безрукий скульптор верхними резцами. Судя по всему, вырезал он всю семью. В переносном смысле... а может и в буквальном. Если ему не заплатили. И это – не просто статуи, а надгробия.

На картинке, словно садовые гномы посреди растительности, торчали разнокалиберные статуи из белого мрамора. Взрослые и дети имели одно и то же умственно отсталое выражение лица, из чего следовало, что все они – родственники.

– Как вы думаете, это – страшенькая девочка или симпатичный мальчик? – поинтересовался гость, показывая на статую какого-то упыренка.

Свои догадки я решила держать при себе и просто пожала плечами, не вникая в гендерные различия «садовых вампиров».

– Завтра в полдень, – бросил клиент, протягивая мне альбом и криво усмехаясь. Нет, он определенно вампир. Я видела его клыки. Были у меня подозрения, что он – человек, но теперь они отпали.

Вампир молча встал и вышел за дверь.

* * *

В полдень, когда все разошлись, а кто-то, я имею в виду директора, даже не появлялся, за мной приехали. Дед снова спал, пуская слюни и шепча: «Я поцелую тебя, моя сладкая проказница... туда, куда тебя еще никто не целовал! Ой! А шею ты... когда последний раз... мыла? Ах ты, грязнуля... Помой-ка сначала шею, а уже потом подставляй!»

Я выгребла нужную связку ключей взяла карту и подошла к клиенту. Называть его по имени мне было немного неловко. Смотреть ему в глаза – тоже. Дед тем временем выдал свежую порцию слюней и занервничал, делая во сне кусательное движение. Челюсть наполовину выскользнула изо рта.

– Есть две вещи, на которые я могу смотреть целую вечность, – вздохнул упырь, опираясь на трость, – На то, как льется кровь, и на то, с каким усердием и самоотдачей работают сотрудники «Кровавых уз». Это я не про вас, сударыня. Это я про него. Лично Вы работаете просто отвратительно. Даже не сомневайтесь. А вот за этим столом сидит самый настоящий профессионал своего дела.

Я вздохнула и решила промолчать. Мы снова ехали по проселочной дороге, по направлению к очередной недвижимости. Пока основная масса упырей перебирается в центр, центрее некуда, этот товарищ предпочитал бежать от цивилизации куда подальше. Было у меня подозрение, что он пытается усыпить мою бдительность, откормить меня, как следует, чтобы, когда я проникнусь к нему доверием, воплотить в жизнь нехитрый план: «кусь-кусь, чмок-чмок, покойся с миром!»

У развилки карета резко остановилась. Я дернулась вперед, а потом снова упала на подушки.

– Мой господин, куда? – спросил знакомый кучер, открывая дверь. Он цыкнул, но поймав тяжелый взгляд хозяина, тут же стиснул зубы.

– Налево! – коротко ответил мой спутник, пока я разворачивала карту. Судя по карте нам нужно было направо.

– Но здесь дорога поворачивает направо... – осторожно и деликатно заметила я, показывая карту.

– Есть две очень плохих приметы. Спорить со мной и хамить мне. Если я сказал – налево. Значит «налево»! – мрачно заметил мой спутник. Его серые глаза смотрели с отрешенной тоской куда-то вдаль, где за окном мелькали черные деревья. Что-то стало холодать. Надо будет придумать, где раздобыть какую-нибудь накидку.

Мы приехали быстрее, чем я ожидала.

– Сударыня, я надеюсь, что на этот раз глупостей не будет, – заметил мой спутник, выбираясь из кареты. Он снова подал мне руку.

– Это... эм... лишнее, – заметила я, стараясь не смотреть ему в глаза. Мне действительно было стыдно за то, что меня не просто подкармливают, а полноценно и вкусно кормят. И я чувствовала себя обязанной.

– Напоминаю. Спорить со мной – плохая примета. Я не собираюсь подстраиваться под кого либо. Запомните это раз и навсегда, – ответил вампир. Я осторожно положила руку поверх его руки, и он помог мне спуститься.

Калитку я открыла быстро. Стоило нам пройти вглубь парка, как мы увидели знакомые статуи.

– Девочка, – заметил клиент, показывая тростью на какую-то действительно страшенькую девочку в ночной рубашке, – Все, поехали обратно.

Я тоскливо посмотрела на него, понимая, что наматывание моих нервов – это его любимое занятие.

– Я пошутил. Открывайте двери, – заметил мой спутник.

Я провозилась с замком и наконец-то смогла его открыть. Зал был оформлен вполне сносно без аляпистых архитектурных излишеств. Мебели не было, зато был какой-то странный запах. Сладковатый, едва уловимый. И этот запах мне не нравился. Поднявшись по ступеням, мы вышли в коридор. Гостиная, столовая, комната для гостей – все выглядело прилично. На мой вкус, который кардинально отличался от его вкуса. Судя по недовольному выражению лица и тоскливому взгляду, планировка дома моего спутника явно не устраивала.

– Вам в жизни вообще что-нибудь нравится? – поинтересовалась я, замечая, каким взглядом он рассматривает фреску на потолке.

– На вкус и цвет все люди разные! Хотелось бы мне взглянуть в глаза предыдущему владельцу, – задумчиво заметил клиент, подходя к огромному окну. Его темный силуэт красиво вырисовывался на фоне серого тумана, клубящегося за окном.

Я тем временем приоткрыла одну из дверей. Запах подозрительно усилился. Я заглянула в дверную щель и тут же с ужасом захлопнула дверь, повиснув на ручке.

– Итак, что вы от меня прячете? – поинтересовался мой мрачный спутник, глядя, как я всем телом закрываю дверь, морально отходя от увиденного. Он посмотрел мне в глаза. Спорить бесполезно. Я знаю.

– Вы там что-то говорили, что хотите посмотреть в глаза хозяину... – издали начала я, отходя подальше от двери, – Ну на счет в оба глаза, я сомневаюсь, а вот в один – точно посмотрите.

– Неужели? – поинтересовался клиент, положив левую руку на красивую дверную ручку. Я закрыла глаза и съежилась.

– И что ж вы стесняетесь, сударыня? Проходите. Будем знакомиться с хозяином, – едко заметил мой спутник. Я шагнула в комнату. В кресле сидело почти полностью мумифицированное тело с колом в сердце. Один единственный глаз уставился на нас. Все стены были исписаны кровью. «Дом не продается! Я не позволю! Вы забрали его у меня, но я здесь родился! Я здесь и умру!»

– Я восхищен! – заметил мой спутник, криво усмехаясь, – И что нам с ним делать? Ваши предложения?

– У вас уникальная возможность купить дом напрямую. Без посредников. Тут главное договориться... – вздохнула я, чувствуя легкой головокружение. Ха-ха! Я ожидала всего, но не явно не этого!

– Остроумно, – заметил упырь, выходя из комнаты. Я стала спускаться вслед за ним. Мы сели в карету. Он что-то строчил в блокноте, задумчиво прикусывая ручку.

– Ваше агентство умеет произвести впечатление, – заметил он, откладывая черную книгу, – Я понимаю, что у каждого дома есть свои скелеты в шкафу, но мумия хозяина – отличное дополнение к унылому интерьеру. Чувствуйте себя, как дома...

– ...но не забывайте, что вы в гостях, – вздохнула я, поежившись.

Через десять минут мы поравнялись с другой каретой. Две кареты остановились.

– Ключи! – произнес мой спутник, протягивая руку. Я молча отдала ему связку, – Сидеть здесь.

Он вышел, а через пять минут вернулся.

– Я написал знакомому в Магистрат, чтобы разобрались с этим делом. Ключи вернут завтра, – услышала я, перед тем, как мы тронулись, – Вот ордер, который покажете своему директору.

Мне вручили бумажку. На ней значилось, что данное поместье изымается до конца расследования. Под ним стояла куча подписей и резолюций. В конце красовалась изящная многоярусная роспись самого фюрста. Я с подозрением взглянула на своего спутника, потом на росписи. Пока мы ехали, я краем глаза увидела его почерк. Наклон в противоположную сторону. Нет, здесь все расписывались правой рукой. Хорошие знакомые, значит, есть у этого товарища в Магистрате, раз вся королевская конница, вся королевская рать сработала так оперативно. Мне бы такие связи. «Связи связями, но надо же и совесть иметь!» – икнули тараканы, с обожанием глядя на него.

Мы вошли в офис. Дед дрых, положив голову на стол. Его слюнявая челюсть лежала на полу. Я подошла и с наслаждением наступила на нее.

– Иди ко мне моя сладенькая... О, Мина... О... ну и мина у тебя... Пшла вон! Нет, женщина... пошла прочь... – пробормотал дед во сне, – Нет! Я никакой не граф! Руки уберите! Караул! Констебль! Помогите! Насилуют! Женщина, это я у вас сосать должен... Кровь сосать...

Дед икнул и притих.

Клиент уселся в кресло, смерив взглядом спящего деда.

– Этот бесценный специалист кем у вас работает? – мрачно поинтересовался упырь, листая каталог.

– О! Это тайна покрытая мраком! Я до сих пор не знаю, что он здесь делает, и как его зовут, – заметила я, краем глаза глядя на то, как дед начинает рыдать во сне.

– Итак, что мы еще не смотрели? Сегодня у нас выходной, поэтому до вечера я целиком свободен, – заметил мой клиент, морщась при виде очередного «мещанского шика».

«Не у нас, а у вас!» – заметили тараканы.

– Вот, – кивнула я, забирая у него из рук каталог и листая, – Очень симпатичный дом. Ничего лишнего. Я его уже один раз показывала.

– То есть вы гарантируете, что мы не будем вынимать хозяев из петель и хоронить их на заднем дворе. Я не собираюсь выполнять для Магистрата план по раскрываемости преступлений столетней давности. Скажу сразу, что если мы найдем труп, то закапывать его будете вы, сударыня. Я буду лишь руководить процессом, – зевнул мой разочаровательный пессимист. Ничего себе. Саблезубая белка мрачно цыкнула зубом, глядя на эти клыки. Моя шея зачесалась.

Я быстро сходила за ключами в директорский кабинет, бросив на стол «Ордер». Пусть любитесь! Пока я ходила, дед блаженно постанывал:

– Еще два жалобных отзыва, и мои зубы вопьются в ее шейку! Как давненько я не... О! Это будет настоящий праздник! И пусть только попробуют мне что-то сказать! Я тоже здесь работаю!

Мой спутник посмотрел на деда, а потом на меня. Я пожалала плечами, мысленно содрогаясь от того, что до преждевременной кончины остаются какие-то две жалобы! А до критических дней – еще три дня. Ничего, я уже осмотрела весь хлам в туалете, нашла некое подобие кола и спрятала его у себя в столе. На всякий случай.

Особняк, который я уже однажды показывала пожилой семье упырей, размещался на выезде из столицы. Но его так и не купили. Покупатели зажали деньги, решив, что менять недвижимость на старости лет – бессмысленно. Точнее деду было все равно, а бабка попалась очень экономной и прижимистой.

Я ловко открыла дверь, пропуская гостя вперед. Ни дурацкой лепнины, ни уродливых статуй, ни вызолоченных обоев – ничего такого в помине не было. Сам особняк напоминал милую семейную обитель. Пастельные тона, минимум украшений, чистота и порядок.

– Здесь жила семья. Муж, жена и трое детей. Они уехали из Криора по семейным обстоятельствам, а дом выставили на продажу, – сообщила я, любуясь простотой и изяществом, –

Очень хорошая, приличная семья. Всегда такие приветливые и радушные. К ним регулярно приходили гости... Правда, жена часто болела...

– Мне нужно вдумываться в смысл ваших слов? – заметил мой клиент, поднимаясь наверх. Он прошел в сторону спальни, потом открыл дверь в другую спальню.

– Интересно, почему это «счастливая семья» решила спать отдельно друг от друга? – заметил он, подходя к кровати. Вампир присмотрелся к стене, отошел на два шага, а потом снова приблизился к ней, положив руку на какой-то камень. Камень сдвинулся, открывая дверь.

Мы вошли в большую комнату. Одно движение руки моего клиента и в комнате загорелись свечи. И тут я начала медленно умирать от стыда. На стенах красовались обнаженные пары, которые вытворяли такие акробатические номера, что в цирковое училище их бы взяли без экзаменов. По стенам были развешены приспособления для пыток, включая черный кнут, какую-то упряжь, ошейники и кандалы.

– Ну-ну... Вы так мило рассказывали мне про дружную семью... Почему вы умолкли? – заметил мой спутник, изучая «настенную живопись», – Мне кажется, или на этой картинке женщине предварительно сломали хребет?

– Да нет, – стыдливо ответила я, – Она просто очень гибкая. Хотя...

– А вот здесь явно сломана нога, хотя судя по ее лицу, о ноге она думает в последнюю очередь. А вот за это художнику нужно руки оторвать... Это явно его буйная фантазия. Это физически невозможно... Или... Хотя, в принципе можно... если она уже мертва.

Я стояла, словно школьница, которую поймали в туалете с сигаретой.

– Пойдемте отсюда... – вздохнула я, вспоминая, что в первый раз, когда я заходила в этот дом, меня тоже удивило то, что первый этаж, кажется больше второго. Было у меня такое чувство, что не хватает еще одной комнаты. Лучше бы я не знала о секрете «семейного счастья».

Мы спустились в холл. Мне было очень стыдно. Уши просто полыхали и, судя по всему, были красные, как огнетушитель. Я честно не догадывалась, чем заключается секрет семейного счастья бывших жильцов, и почему супруга регулярно брала больничный.

На часах было шесть, а я чертовски устала. Мы снова вернулись в агентство. Дед спал, свет горел. Судя по тому, что вещей Лемеры и Бриссы не было, они так и не появлялись. Ну конечно! Сегодня выходной. Сегодня все нормальные упыри отдыхают. Кроме меня и деда, который приходит на работу по инерции.

– А теперь, будьте так любезны, подойти к своему коллеге и взять у него из кармана ключ, – внезапно произнес мой пессимист.

– Но директор, если узнает, что ключ потеряли... – шепотом заметила я, глядя на чмокающего во сне старика.

Вампир посмотрел на меня такими глазами, что я разулась и подошла к деду. Опустив руку в его карман, я нашла какую-то коробочку, веревочку и... ключ от офиса. Осторожно, чтобы не разбудить деда, я вынула ключ. Дед причмокнул во сне, заворчал и выдал:

– Потные матросы! Фу, какая гадость! Надо сказать капитану! В последний раз я плыву на корабле! Попомните мои слова!

Я обулась, сжимая в руке ключ от офиса.

– Сюда давайте, – заметил мой клиент, – Я сделаю вам копию. Через полчаса она будет готова.

Он позвал кучера, отдал ему ключ, глядя на часы.

– Можно чашку крови? – спокойно поинтересовался мой спутник, задумчиво глядя на меня.

– Так вы же не пьете из чужих чашек... – осторожно заметила я, глядя на почти пустой кулер.

– Я решил сделать исключение, но только при условии, что вы ее вымоете... – спокойно заметил вампир. Я пожала плечами и отправилась мыть кружку. Мыла я ее долго и тщательно, как для себя. После пяти минут полоскания и вымывания, она блестела, как новенькая.

Со спокойной совестью я подошла к кулеру, открыла краник и увидела, как кровь тонкой струйкой потекла по белым фарфоровым стенкам.

– Прощу... – прошептала я, поднося полную кружку клиенту. Он посмотрел мне в глаза, а потом сделал вид, что принимает ее у меня из рук, и... Только через мгновение я поняла, что произошло. Кружка осталась у него в руках, а ее содержимое оказалось на мне. По моей белой блузке и светлому пиджаку расплывалось огромное кровавое пятно. Юбка выглядела не лучше. У меня возникло такое чувство, что я только что сбежала со съемочной площадки фильма ужасов, где играла роль окровавленной жертвы. Да-да! Это именно я ползу с предсмертными хрипами, цепляясь за ноги будущих жертв. Да-да! Это именно через мое тело переступает главный герой, когда задает вопрос: «Есть кто живой?». Именно на меня светят фонариком полицейские и произносят отрывисто: «Он где-то здесь! Он не мог далеко уйти!», когда под конец фильма решают все-таки поймать кровожадного маньяка.

– И что это все значит? – холодно спросила я, снимая пиджак и разглядывая кровавое пятно на блузке. «Б2» – произнес бывалый таракан, занеся карандаш над листком бумаги. «Убит!» – всхлипнул Трус, зачеркивая на своем листке одиночный кораблик.

– Вы помыли кружку, но не вытерли ее от воды, – спокойно заметил клиент, пока я в голове прикидывала, как и чем отстирывается кровь.

– Послушайте, я вам действительно благодарна, но... – произнесла я, поджимая губы, – Вам не кажется, что это уже слишком?

– Итак, у вас есть выбор, либо идти домой в таком виде, или последовать за мной. Я не думаю, что вы заказали себе десяток комплектов одинаковой одежды на все случаи жизни. Я вас уверяю, что в таком виде вы не пройдете даже десяти метров.

– Простите, но вы слишком многое себе позволяете... – возмущилась я, сжимая кулаки.

– А вот вы себе позволить ничего не можете, поэтому будьте так любезны, накинуть мой плащ и следовать за мной... – мрачно вздохнул клиент, – Молча и без возражений.

Глава восьмая. Доярка из Хацептовки

Меня выгрузили возле какого-то магазина. Конечно, не как фашисты партизанку на расстрел, и не как милиция правонарушителя... Скорее, как ребенка возле стоматологического кабинета, придерживая, чтобы чадо не сбежало. Я раньше проезжала мимо этого места, но не думала, что они работают круглосуточно. Стоило нам выйти из кареты, как тут же дверь перед нами открылась. Сонная вампирша в роскошном платье, зевая во всю клыкастую пасть, тут же засуетилась. Надеюсь, что меня не в бордель сдают. Глубокое декольте и волнующий разрез у вычурного платья мадам, которая нас встретила, вызывало у меня нехорошие ассоциации.

– Итак, девушки, сегодня вам сказочно не повезло. Что делать – знаете. Счет выставить мне и прислать по моему адресу, – отдал распоряжения мой клиент, забирая свой плащ из моих рук, – Предупреждаю сразу. Увижу хоть один укус – долго разбираться не буду. Медальон лежит на столике. На ее протесты, крики, вопросы и прочее – не реагировать. Если сопротивляется – связать. Разрешаю применить силу в разумных пределах.

– Может, не надо? – вяло спросила я, глядя, как перед моими глазами началось хаотичное броуновское движение клыкастых молекул, который тут же стали сбрасывать чехол с какого-то кресла, доставать какие-то инструменты, – Мне и так перед вами очень неудобно. Вы не обязаны это делать!

– Мне стыдно с тобой даже рядом стоять, а не то, что появляться в публичном месте, – огрызнулся вампир, указывая тростью на мой некогда лучший деловой костюм, – Лучше вызывать восхищение, чем сочувствие. Всего хорошего. Ах да, ее старую одежду сжечь.

Я час лежала в ванной, чувствуя, как по щекам текут слезы. Я всю жизнь привыкла себя обеспечивать, я никогда ни у кого ничего не просила, никогда не принимала дорогих, обязывающих к чему-то подарков. Меня всю жизнь учили полагаться только на себя. А теперь, попав в такое унижительное для себя положение, я вынуждена принять настойчивую помощь со стороны. Я стиснула зубы.

Четыре вампирши, цыкая зубами, в две смены, пилили мои ногти, как каторжники сибирские леса, когда им выдали одну пилу на десять человек. Одна смена выбегала покушать и подышать свежим воздухом, а вторая с жалобными глазами бралась за работу.

– Эдельвин, – простонала одна из упыриц, бросая пилочку, – Подмени меня. Я больше не могу. Я сейчас вгрызусь ей в шею. Я на улицу. Подышать воздухом.

И так каждые две минуты. Неизвестно, кто страдал больше, от этих процедур. Я или они. Скорее всего, они, потому, как столько страдания на лицах, я видела только в тот день, когда сотрудникам сообщили, что 31 декабря им придется работать до шести вечера. Все как положено. Праздник? А что такое праздник?

Ножницы делали «кляц-кляц», пытаясь привести в порядок мою голову, зубы делали «цык-цык», действуя мне на нервы. Потом кто-то из девушек догадался принести какие-то благовония, от запаха которых на глазах наворачивались искренние слезы омерзения. Сверху на меня вылили вонючее содержимое красивого флакона и стали работать дальше. После того, как меня отмыли и высушили, настало время примерок.

– А можете примерить еще и это платье? – попросила одна упырица, протягивая мне какой-то алый мешок со стразами на три размера больше, чем я обычно ношу, – Просто оно из прошлой коллекции и плохо продается.

Я надела платье на себя, походила в нем, а потом вернула его обратно. Упырица, прижалась лицом к нему и глубоко вздохнула. Семь нарядов, расчески, заколки, туфли. Все трамбовалось в коробки. Такое чувство, будто меня завтра замуж будут выдавать, а сейчас собирают приданное. Волосы расчесали. Осторожно, буквально по одной волосинке, их начали стричь, стараясь не смотреть на мою обнаженную шею. Нервы не выдерживали, и мне на шею появ-

зали хомут из какого-то полотенца, а сверху накинули какую-то простыню. С прилипшими темными мокрыми волосами, я была похожа на тюленя, высунувшегося из проруби. Парикмахерша старалась не дышать. Она надула щеки, по которым у нее катились слезы. Настродалась бедняжка на всю жизнь вперед. Чувствую, что потом внукам будет рассказывать о том, как стригла человека.

Я заметила, что мою одежду никто не сжег. За нее в буквальном смысле подрались. Про нижнее белье я вообще молчу.

– Вы знаете, – выдала вульгарно одетая упырица, которая командовала всем этим безобразием, – Приходите к нам почаще. Вы можете брать у нас платья напрокат. На день, на два. И главное – не стирайте. Поносили – вернули. Если испачкали – ничего страшного. Главное – не стирайте. Любые платья из любой коллекции. Да, и не пользуйтесь парфюмом.

Ничего себе! Тут салон красоты и бутик по совместительству решил устроить беспрецедентную акцию.

– Вот наша визиточка, – цыкнула упырица, положив на стол красивую визитку с каплей крови, – Меня зовут Жизель. Это все принадлежит мне. Поэтому, сударыня, будьте так любезны, обдумать наше с вами дальнейшее сотрудничество. Абелью об этом знать не обязательно. Я настойчиво повторяю, что Абелью об этом знать совсем не обязательно. А теперь, простите, я выйду на улицу... Сил моих больше нет.

«Чую! Человеческим духом пахнет!» – пронесся у меня в голове скрипучий голос Бабы Яги.

Через час я выглядела так, словно собираюсь на светский раут. На мне было жемчужного цвета платье, туфли, подобранные тон в тон к платью, красивое, кружевное нижнее белье. Рядом со мной возвышались коробки с невероятно дорогими нарядами.

– Может быть, одного платья достаточно? – тихо спросила я, глядя, как все добро трамбуют в пустую карету. Я с ним никогда не рассчитаюсь. Мне придется прожить целую вечность, чтобы вернуть ему деньги за всю эту красоту. Оторванные ценники валялись на полу. Я старалась не опускать глаза, чтобы не видеть трех и четырехзначных сумм.

– Накидка! – заорала Жизель, выписывая счет, – Девочки, достаньте накидку.

Меня укутали в красивый полушубок. На стоимость этой красоты я даже боялась смотреть. Ценник осторожно сняли и тут же занесли в счет. Мне хотелось выть от отчаяния, прикидывая, на какую сумму придется раскошелиться моем «спонсору», и сколько я буду ему должна. Вместо радости я испытывала угрызения совести и чувство глубочайшего стыда.

– Вы подумайте над моим предложением! – крикнула хозяйка, прижимая к себе мой старый бюстгальтер, как ребенок прижимает к груди любимую игрушку.

– Куда едем? – спросил кучер, – Мне приказали доставить вас по адресу, который вы укажете. И просили передать вам ключи.

– К офису, – вздохнула я, надевая на шею медальон.

– Хозяин просил передать вам, что «никаких к офису». Говорите адрес.

– Кровавый переулок, дом один, – вздохнула я, прикидывая, какой счет будет выставлен кому-то за все страдания. Господи, как же мне стыдно. Как я докатилась до такой жизни?

Карета остановилась рядом с домом.

– Точно сюда? – удивленно спросил кучер, глядя на обшарпанную дверь и горы мусора под ногами.

– Да, сюда, – ответила я, вылезая из кареты. Я постучалась в дверь, на пороге появилась старуха-будильник с колом в руках. Так сказать, во всеоружии.

– Коробочки поставьте, пожалуйста, у входа. Я сама все занесу. Спасибо, – ответила я, беря одну из коробок и открывая дверь кареты.

– Как скажете, – вздохнул кучер, помогая мне выгружать все мое добро.

– Игнацио! – заорала старуха, подслеповато щурясь, – Когда долг отдашь? Я весь твой портрет оплевала! Уже даже правый глаз выковыряла! Все жене рассказала, про шашни твои! И детей твоих прокляла! Ты же мне клык давал, что через три месяца вернешь все с процентами! Да чтоб тебе пусто было! Чтоб у тебя клыки выпали! Чтобы кровь в горло не лезла!

Так! Вот с этого места поподробнее!

– Меня не Игнацио зовут. Да и не женат я, – заметил малость обескураженный кучер, ставя коробки под дверью.

– Обозналась, – с досадой заметила старуха, цыкая зубом, – Но ты тоже не расслабляйся!

Я сидела на кровати, жевала колбасу, философски размышляя над тем, к чему все это приведет. Помнится, я тоже когда – то взяла шефство над бродячей собачкой, живущей возле теплотрассы. И одеяло ей приволокла, и кормила каждый день. Может быть, он любит братьев и сестер наших меньших? Гав – гав. Учтите, руку лизать я ему не буду, а если захочет почесать за ушком, то я оскалю зубы. Я представила картину. Я стою рядом с ним. «Сидеть!» – произносит он, показывая на кресло. Я сажусь. «Голос!» Я начинаю говорить. «Лежать!» – он показывает на кровать... Ой! Что – то меня куда-то не туда понесло, ей богу! «Умри!». Ну вот это уже ближе к истине.

В новой посылке лежала плитка черного шоколада. Я быстро развернула обертку, и в нос ударил знакомый запах. Я собралась откусить от нее кусочек, но потом просто положила ее рядом. Сознаться честно, эту шоколадку я не стала есть. Она просто лежала на подоконнике. Лежала и пахла. Этот запах меня успокаивал.

* * *

Мое появление на работе стало чем-то сродни инсульту, инфаркту и проверке с изъятием документов. Брисса подавилась кровью, очки Лемиры соскользнули с носа и упали на стол, едва не разбившись. Дед занервничал, подслеповато щурясь в мою сторону.

Я молча села за свой стул и открыла бладбук. Гробовая тишина, нарушаемая цыканьем, провисела минут пятнадцать, пока я отвечала на письма. Как обычно глупые вопросы и умные ответы. *«А есть такой дом, чтобы все было в фиолетовом цвете, и чтобы возле двери были ангелочки, а на стенах висели такие красивые картины, где изображены влюбленные пары...»*.

Я уже начала отличать реальных клиентов от праздно интересующихся.

«Есть красный особняк, а у входа сидят горгульи, а на стенах висят предыдущие владельцы! Если вам интересно, у нас большое портфолио», – ответила я. «А есть точно такое же, но только с перламутровыми дверными ручками?» – спросили у меня тараканы. Смотреть портфолио никто, разумеется, не приезжает.

«Скажите, а сколько примерно стоит дом. Большой дом с десятью комнатами, залом, в хорошем районе? Или замок на окраине? Или усадьба в предместье? Деньги на руках...»

О! Плавали – видели. Разведка боем у наших конкурентов. Покупатели обычно не ставят нас в известность на руках у них деньги или в банке. Так же не уточняют, в какой конкретно банке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.